

The background is a dark, enchanted forest at night. Tall, dark trees with thick trunks frame the scene. The ground is covered in a dense carpet of small, glowing blue and white flowers. Numerous soft, golden-yellow lights, resembling fireflies or magical sparks, float throughout the air. In the center, a silhouette of a person stands holding a long, thin staff. The overall atmosphere is mysterious and magical.

ДИТЯ МАГИИ

Дарья Гущина

16+

Дарья Гущина Дитя магии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60671578

Дитя магии: SelfPub;

Аннотация

Во все времена звезды, предчувствуя угрозу, присылали в волшебный мир защитников – детей магии Двойных звезд, носителей необычного и редкого дара. Их появление давно научились предсказывать, указывая, в чьей семье родится необычное дитя.

Лекс, предсказанное дитя магии, родилась с редким даром понимания природы, но без умений колдовать, – и не человеком, и не магом. Ее окружили защитой и воспитали как человека, но одна случайность изменила все, раскрыв правду – о родителях-волшебниках, о чудесах и опасностях мира. И она уходит из дома – учиться, узнавать себя, развивать свой дар, но даже не подозревает о том, что весь ее путь – это ритуал пробуждения силы.

Той силы, от которой в темный час будут ждать чудес и помощи.

В 2006 г. "Дитя магии" выходило в "Альфа-книге". Спустя восемь лет роман претерпел существенные изменения: полкниги переписано и отредактировано, полкниги – написано заново.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. О пользе ночных прогулок и вреде чрезмерного любопытства	8
Глава 2. О таинственном прошлом и неведомом будущем	26
Глава 3. Беспокойная ночь	52
Глава 4. Шейтар	74
Глава 5. Дорожные неприятности	94
Глава 6. Ученики чародея	114
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Дарья Гущина

Дитя магии

...Одиноким быть не может тот,

Чей дух с Природою один язык найдёт.

Дж. Г. Байрон «Манфред»

Пролог

Над волшебным миром раскинулась тёплая звёздная ночь, но природа не спешила засыпать. Шелест мокрой травы, влажного леса и частых дождевых капель будоражил ночную тишину, напоминая и предрекая. И тихий шёпот головосов перебегал от дерева к дереву, от цветка к цветку, от сна к сну, наполняя ночную тьму тайнами и обсуждая... ожидание. Ожидание того, что должно свершиться.

Дождь усилился. Яркие вспышки серебристых молний разбили ночь на осколки, озарив спрятанный в сердце леса замок. Укрытый от мира древними деревьями, укутанный в покрывало цветущего плюща, он казался частичкой живой природы. И вместе с нею ждал и наблюдал, заметив выглянувшую из-за туч Двойную звезду. И вместе с природой благоговейно прислушался к плачу новорождённого, когда один из двух звёздных осколков упал на покатуую крышу. А в освещённом окне появились две расплывчатые тени.

– Девочка... – пожилая женщина натянула на плечи светлую шаль и удовлетворённо улыbnулась. – У тебя дочь, сынок, – и прищурилась, всматриваясь в окно. Взгляд её стал отсутствующим, а оконное стекло засеребрилось, засияло холодным лунным светом. – Дитя Двойной звезды, да, как и было предсказано... Ты не рад?

– Двойная звезда? Уверена? – темноволосый мужчина тоже посмотрел в окно. – Звездочёт не ошибся? Жаль. И вновь в нашей семье, и вновь предвещающая неприятности... Очень жаль.

– Двойная звезда сулит не только неприятности, – заметила его собеседница. – Она говорит о рождении волшебного ребёнка. Дитя магии – так его называют исстари. Да, во все времена дети Двойных звёзд отличались необычными способностями, но необычность – не значит неприятность. Это наша защита. Это защита природы и всего волшебного мира.

– Необычными... – горько хмыкнул молодой отец. – Скорее, необычно отсутствующими способностями. Она ведь не будет полноценным магом. Не унаследует наше волшебство. Не сможет творить заклятья. И вырастет чужаком в мире волшебства. Без магии и без защиты, неполноценной, обделённой...

По лунному стеклу заструились потоки дождя, над крышей прогремел гром.

– Значит, нам должно обеспечить ей защиту, пока она не ощутит и не разовьёт собственный дар, – хладнокровно от-

ветила его мать, зябко кутаясь в шаль. – Защиту абсолютную.

– Кокон?.. – он вопросительно поднял брови.

– Да, кокон, стирающий проявления нашего дара и отводящий глаза. Девочка не должна чувствовать себя неполноценной – это убьёт дар. И ни лишних знаний, ни лишних людей. Ничего лишнего. Пока не проснётся сила. Придёт время – магия проявится, и она сможет постоять за себя, сможет найти своё место в нашем мире, но до тех пор...

– Все Двойные, как говорят легенды, поздние, – мужчина нахмурился. – А в коконе она и в двадцать лет останется ребёнком. Как потом в мир отпускать – без опыта, без знаний, обычным человеком?..

– Не беспокойся. Я о ней позабочусь. Как только придёт время силы, я обо всём позабочусь, – и она мечтательно улыбнулась. – И всё получится. На сей раз всё обязательно получится.

– Мне не нравится то, что вы задумали... – новоиспеченный отец чутко прислушался: из соседней комнаты доносились слабое хныканье и тихое успокаивающее воркование. – Мама, она же ребёнок! Мой ребёнок!

– Вот и воспитывай. Но как человека. Люби и балуй, наставляй и опекай. И ни слова правды, Ян, ни слова! Никому! Пока не придёт время силы. А после она перестанет быть вашей. У детей магии Двойных звёзд всегда было много работы. Всегда. А нынче стало ещё больше. И если я что-то замечу... – в серебристых глазах молнией промелькнула угро-

за. – И призовите её охранителя. Особенного. От угроз тёмного мира мы её защитим, а вот от второй...

– Что?..

– Да, и от второй, – кивнула его собеседница. – Двойная звезда указывает на двух похожих и необычных детей. Это две половинки единого целого, дух и тело. И им должно рядом расти, но... Равновесие же, и одно дитя – для мира светлых, а второе – для мира тёмных.

– А тебе нужны обе? – Ян отвернулся от окна. – Наша с Ланой дочь, как и мы, – светлая... Наверняка светлая. А до тёмной тебе не добраться. Никому прежде не удавалось выманить тёмного с их земель и соединить Двойных в полноценную пару. Никому, мама.

– Во-первых, они нужны не мне, а нашей умирающей природе, а во-вторых... Посмотрим, – волшебница тонко улыбнулась, и в её глазах заплясали лунные блики. – Вероятно, приманивать тёмную не понадобится. Посмотрим.

Глава 1. О пользе ночных прогулок и вреде чрезмерного любопытства

– Дей-ли! Знаешь, сколько сейчас времени?

Это она мне... С трудом подавив трусливое желание сигануть через подоконник и скрыться в кустах, я покорно прыгнула на пол и опустила очи долу. Надо было по плющу – и сразу в свою комнату... Зря усталости поддалась...

– Знаю, – мой нарочито скромный голос явно не соответствует обстановке, и мама это, разумеется, заметила.

– О, небо, Лекс, как ты одета? Что это за лохмотья? И где, скажи на милость, ты бродила всю ночь?

Благо света мало, и она только лохмотья и заметила... А где хочу – там и хожу! Никогда прежде не интересовались, чем я занята, а тут проснулись, когда не надо! И вообще, мне уже восемнадцать, хватит у юбки держать!.. И так вся жизнь – из окон дома! И дома всё можно, а как за порог – так сразу «куда?» и «чтоб рядом с замком!» Только ночные побеги в лес и спасали, и я эту возможность сохранию!

– Всю ночь? – я в отчаянии обернулась к окну, на багровую полосу рассвета. – О чём ты? Я всего лишь выбралась на утреннюю прогулку. Понимаешь, предутренний лес, он... такой... – и запнулась под сердитым взглядом.

– Ой, не ври мне, – недоверчиво хмыкнула мама. – Какая

может быть прогулка в середине ночи, после восхода Красной звезды?

– Ну, у меня бессонница...

– Лекс, хватит. Где ты была?

Моя обычно изворотливая фантазия озадаченно смолчала. А мама, понимая, что крыть мне нечем, стояла, скрестив руки на груди, и не сводила с меня строгого взора.

– Э-э-э... А ты что здесь делаешь в такую рань и в таком виде?

Мама, купившись на обманку, опустила взгляд на полы длинного халата, ту же затягивая пояс, а я проворно проскользнула мимо неё к лестнице. Нет, лучше возвращаться так же, как и уходить, – через окно...

– Ладно, завтра поговорим! – пригрозила она мне вслед. – С отцом! И советую придумать более правдивые отговорки! И...

Добежав по тёмному коридору до своей комнаты, я хлопнула дверью, прерывая гневную мамину речь, и устало села у стены, вытянув ноги. Это дождь во всём виноват – если бы не он, я бы вернулась домой как обычно, за час до рассвета, когда родители ещё спят. И ведь всегда мне ночные прогулки сходили с рук! И никого не волновало, где меня носит, лишь бы рядом с домом и подальше от незнакомых личностей. И от малознакомых. А я и не возражала. С лесными обитателями мне проще найти общий язык, чем с людьми.

Ладно, после об этом. А пока...

Я заставила себя встать, раздеться и помыться. Вода, разумеется, давно остыла, света нет, но – надо... Тряпки, бывшие одеждой, спрятать, грязь и кровь с рук и лица смыть, и лишних вопросов поутру будет меньше. А лучше, чтобы их вообще не возникло. Чем меньше людей знает о легендарных существах-прародителях, тем вероятнее они выживут. Белый волк не раз замечал, что за ним давно охотятся, а сегодня я опять собственноручно прочищала, промывала и зашивала последствия этой охоты. И за наше многолетнее знакомство я ни разу не видела столь странной и страшной раны.

Надев ночнушку и на ощупь добравшись до кровати, я без сил рухнула на одеяло и обняла подушку. Всё, меня нет...

– Лекси, ты спишь? – в дверь коротко и знакомо стукнули.

– А что ещё я могу делать в такую рань?.. – простонала я в подушку. Кажется, только-только глаза закрыла...

Из коридора донёсся смех. Папа.

– Посмотри на часы, дочь, и скажи, что я разбудил тебя рано.

Я села и сонно усталилась на круг солнечных часов. Уже... давно перевалило за полдень?.. У меня же встреча на носу!..

Быстро скатившись с постели, я ворвалась в ванную, на ходу выпрыгивая из ночнушки, умылась и заметалась по комнате в поисках одежды. Так, последние штаны – в крови, а в юбке по лесу далеко не уйдёшь, а придётся... А рубаша где чистая, хоть одна?.. Я захлопала дверцами шкафов и за-

гремела ящиками. А ещё я со вчерашнего вечера ничего не ела, но где-то яблоки оставались...

Отец, с подозрением прислушивавшийся к грохоту, поинтересовался:

– Лекс, ты встала? К тебе можно?

Не найдя ничего чистого, кроме праздничного, я быстро застегнула рубашу и затянула шнуровку зелёного платья, заодно закатав рукава и заправив длинный подол за пояс.

Вернусь – займусь одеждой...

– Извини, пап, я... ещё не готова! – а расчешусь по дороге...

Отец же, подметив в моём голосе нервные нотки, вошёл без предупреждения, застав меня на подоконнике.

– Ты куда? – нахмурился он.

– По делам, – и торопливо послала ему воздушный поцелуй, – потом поговорим!

– А ну вернись!.. – начал он, метнувшись к окну, но поздно.

Уцепившись за плющ, я быстро сползла со второго этажа вниз, перебежала через дорогу и скрылась в лесу.

– Маленький сорванец!.. – донёсся до меня рассерженный вопль отца. – Эх, Лекс, Лекс...

Да, я такая, и ничего не могу с собой поделать. Сколько себя помню, постоянно где-то бегаю, теряюсь, пропадаю... Да ещё и живность разную домой тащу – от полёвок и сороконожек до воронов и волчат. И дня не могу просидеть в че-

тырёх стенах – без леса мне душно и тоскливо.

Зазевавшись, я едва не споткнулась о древесный корень. Терпеть не могу опаздывать! И время, как назло, бежит так быстро – и намного быстрее меня... Я свернула с тропинки, поднырнула под низкими ветвями и поспешила напрямик, через лес. Ещё десять шагов – и я выйду к холму... А вот и наш любимый Дуб-прародитель. А вот и он...

Я остановилась, переводя дух. И как сильно он изменился, хотя прошло-то всего три года!.. Под низкими ветвями сидел, ссутулившись, опершись локтями о колени и лениво жуя сорванную травинку, темноволосый парень. Я помнила его беззаботным, задорным, смеющимся. И откуда только взялись этот отстранённый прищур, эта хмурая складка на переносице?..

Улыбнувшись, я обогнула холм, взобралась по склону, подкралась к сидящему со спины и закрыла ладонями его глаза.

– Лекс? – он легко развёл мои руки, встал и обернулся.

Так, теперь мне ещё и голову нужно задирать, чтобы посмотреть в его лицо... И в зеленовато-карих глазах потух прежний шаловливый огонёк, они смотрели прямо и серьёзно.

– Что они с тобой сделали?.. – вырвалось у меня.

– Помогли повзрослеть, – и Яртан, мой друг детства и неперенный участник всех хулиганских проделок, улыбнулся. – Зато ты... ничуть не изменилась. Только похороше-

ла.

– Это всё платье, – отмахнулась я. – А в остальном... – бо-
дые ноги, порванный подол, закатанные рукава, взъерошен-
ные волосы, свежая горящая царапина на щеке...

– ...не обращай внимания? – подмигнул он, передразни-
вая меня. – Как же мне не хватало этих слов...

Мы обнялись. А вот ямочки на его щеках остались неиз-
менными... На радостях я тихо хлюпнула носом. Мы роди-
лись по соседству с разницей в один день, но вместе справля-
ли дни рождения, вместе росли, вместе озорничали, вместе
получали от родителей на орехи и помогали друг другу пе-
реносить наказания... А потом Ярт уехал учиться. А я оста-
лась – издеваться над своими наставниками, не выходя из
дома. И мы не виделись три долгих года. Он как нормальный
парень писал редко, но как хороший друг много и обо всём.
Однако выбраться сумел только сейчас, да и то...

– Сегодня в ночь уезжаю, – тихо сказал Ярт.

– Куда? Зачем? – удивилась я. – Ты ведь только что при-
ехал...

– Я ведь предупреждал, – он отвёл взгляд, – у меня во-
обще нет свободного времени. Вот если бы мы учились вме-
сте...

– Думаешь, мы бы *учились*? – я ухмыльнулась.

– Кто знает, – друг тоже ухмыльнулся, – а вдруг бы ты
взялась за ум? Но ладно обо мне. Рассказывай!

Я послушно заговорила, перебирая свои многочислен-

ные приключения, а над нашими головами щебетали птицы, жужжали мошки и догорал закат. И, посмеиваясь над едкими замечаниями Ярта, я невольно отметила одну странность: время словно... замерло. Застыло. Не смолкали ни на мгновение птицы. Не тревожил волосы ветер. Не менялся золотисто-красный закатный узор. Возможно ли, что природой нам дано чуть больше времени?.. Но ведь это же... волшебство, которого не существует в моём простом человеческом мире!.. Волшебство есть только в сказках бабушки!

Или...

Мы замолчали. Нам ещё так много нужно было обсудить, многое вспомнить, многим поделиться, о многом помолчать... Но молчание стало первым признаком того, что всё хорошее однажды заканчивается. И замершее время, резко набрав ход, в одно мгновение стёрло закатные краски кистью мглистого сумрака. На ветвях Дуба-прародителя вспыхнули зеленоватые огоньки. Слишком быстро...

– Уже?..

– Пора, – тихо отозвался он.

– Возвращайся скорее, ладно?

Ярт кивнул, быстро поцеловал меня в щёку и торопливо спустился с холма, растворившись в вечернем сумраке. Я тоскливо посмотрела ему вслед. Он всегда был единственным человеком, не считая родителей и пары наставников, с которым я общалась... А теперь он снова уехал, и у меня остаётся только лес. И Белый волк. Да, и мне... пора домой.

В замок. За нагоняем. Только по лесу немного прогуляюсь за яблочной заначкой...

Домой я вернулась за полночь. Тенью обойдя замок и убедившись, что все его обитатели мирно спят, я пробралась к любимому плющу. Наверняка в коридоре поджидает засада, а скандалить с родителями и портить настроение не хотелось. Вот утром, когда пройдёт впечатление от долгожданной встречи, можно будет устроить разборки (а в том, что они состоятся, я уверена), а пока – перекусить и спать.

Забравшись по зелёному ковру на второй этаж, я угнездилась на карнизе и замерла, услышав доносящийся из комнаты тихий разговор.

– Это твоя вина!.. – обвинял разгневанный шёпот мамы.

– Почему моя? – негромко сердился в ответ папа. – На нас обоих лежит ответственность за воспитание...

Ну, родители, ну, хитрецы... Догадались, что я, так нелепо попавшись утром, вряд ли снова воспользуюсь «парадным» окном, и решили застать меня в собственной комнате! А мне тогда куда?.. Я заозиралась. Не приведи небо, и тут поймают...

– Вспомни, как ты всегда с ней носился! – продолжала обвинительную речь мама. – «Лекси, Лекси, солнышко, золотце»!

– А ты запрещала наказания и всегда вставала на её сторону!

– А ты её разбаловал! – не отступалась мама. – Разве мож-

но ребёнку вроде Лекс никогда ни в чём не отказывать?

– Но она и не ребёнок уже, кстати.

Кажется, их спор затянется... Я приуныла. Похоже, ночевать придётся либо в лесу, либо на карнизе, либо в комнате для гостей. Ладно, первый раз, что ли... Встав, я взялась за ветку плюща и...

– Из-за нашего потворства или по иным причинам... Но она – не нашего мира. Не звёздного. И не светлого, – сухо резюмировал папа. – Она живёт инстинктами, мимолётными желаниями, как велит душа. А жить по велениям души – это путь тёмного. Мы живём по разуму, но Лекс этого не принимает.

В смысле? Не поняла...

– Подобное всегда тянулось к подобному, – и отец, словно мои мысли читая, задумчиво произнёс: – сила – к силе, мир – к миру, способности – к способностям. Свет – к свету, а тьма – к тьме. Конечно, у нас есть в побочной ветви тёмные... Но Лекс должна быть светлой, а в ней, против обычая, проявляется тьма.

Тьма?! Да я добрейшей души человек! Да! Всех жалею и спасаю! Мне даже ветку сломанную жалко – кажется, что больно дереву! Нет, ну не без эгоизма и по своим причинам помогаю, конечно, местами и для своей пользы... Но всё же!

– Потому что её дар отличается от нашего? – устало предположила мама. – Она не внешнюю силу использует, как все волшебники, а свою, внутреннюю? И не человек, и не маг...

а что-то между.

Я растерянно цеплялась за плющ. Мой маленький мир опасно пошатнулся, накренившись. Приехали... Вопрос лишь в том, кто. Они или я? Или, может, все вместе и сразу? Да, я понимаю голоса леса, я понимаю речь зверей, но разве ж это магия?.. Чувствовать и ценить жизнь природы может любой... наверное.

– Да, вероятно, – согласился отец. – Жаль, что мать запретила использовать для воспитания волшебство. А как люди... А люди мы с тобой неважные. Не зря человеческий народ живет отдельно от нас. И человека хорошего не вырастили, и дар не развили...

От неминуемого падения спас плющ, в который я вцепилась мёртвой хваткой. Всё, на сегодня, с меня хватит... Пора мне... забиться в самый дальний и тёмный уголок замка, чтобы там, в тишине, как следует обдумать услышанное. А где у нас находится искомый уголок? Правильно, в подвале, в чулане или на чердаке. Но чердак ближе.

Я глубоко вздохнула, унимая дрожащие руки, подоткнула подол платья и начала карабкаться по плющу наверх – туда, где под лунным светом серебрилась тёмная гладь окна. Кстати, я ведь никогда не бывала на чердаке, хотя и подвал, и чулан давно знала как свои пять пальцев. Мама говорила, что ключ кто-то давным-давно потерял, но вскрыть чердак даже не пытались, потому как ценностей там никаких нет.

Вот и проверим.

К моему удивлению, окно не запиралось ни изнутри, ни снаружи. Осторожно распахнув скрипучие створки, я пробралась внутрь и с любопытством осмотрелась. И недоумённо нахмурилась. По маминым словам, на чердаке не прибирались со времён моих прапра-, а то и прапрапрародителей. А на мой придирчивый взгляд, тут не убирались от силы день-другой. Но никак не больше. Значит, мама про ключ всё выдумала?

Я внимательно изучила помещение, озарённое ярким серебристым светом Двойной луны. Сводчатый потолок без признаков паутины, ровные ряды книжных шкафов, чистые плиты каменного пола... Пылью и не пахло. Зато пахло терпкими травами. И кстати вспомнился недавний разговор. Может, меня так старательно отпихивали от секретов чердака, чтобы я не знала об истинной сущности своего семейства?

Пройдясь вдоль книжного ряда, я мимоходом провела ладонью по книжным полкам. Нет, никакой пыли... Пухлые сшивки книг, потрёпанные свитки в пузатых котелках, пучки сушёных трав на стенах, а под травами – деревянные стойки с бутылками, котелками и плетёными коробками. Я с интересом заглянула в короб, а там... Фу-у-у, сушёные зелёные гусеницы!..

Я бродила по чердаку, с подозрением изучала чердачное хозяйство и кривилась от отвращения. Нет, как можно хранить *такое* в собственном доме, где, между прочим, живут любопытные и впечатлительные дети?.. Пойду-ка я лучше...

в книги загляну. Они, конечно, не относились к моим любимым предметам, но рядом с ними приятнее, чем с сушёными насекомыми, которых почём зря лишили жизни.

Как назло, все попадающиеся под руку сшивки были написаны на незнакомых языках, но я не теряла надежды найти читаемую. Дрожащими руками перебирая корешки и просматривая обложки, я со всевозрастающим азартом искала... Что? Наверное, доказательства – либо опровергающие папины слова про семейную магию, либо... И с каждым мгновением в моей душе стрункой звенело, туго натягиваясь, дуиликое ожидание. Хоть бы всё оказалось неправдой... И предвкушение. Хоть бы... родители не соврали.

И мне повезло. Сняв с верхней полки тяжёлую, объёмную книгу, я положила её на пол, оправила юбку и присела на корточки, изучая свою находку. Книга была обтянута красно-коричневой кожей (начитавшись в своё время сказок о чёрной магии, я от души понадеялась, что не человеческой), а на её обложке обнаружился странный знак – пересечение кругов Двойной луны и вписанные в них две же звезды, соприкасающиеся лучами. А под знаком – поразившая меня надпись на древнем, но знакомом языке – «Охранители рода».

Содержание книги сначала удивило, а потом раздосадовало. Удивило то, что страницы книги и чернила мягко светились в темноте и отбрасывали блики, которые оседали на моих руках щекочущими огненными искрами, скользкими

каплями росы и вязким серебристым туманом. Оседали – в прямом смысле этого слова, невольно подтверждая слова родителей. Но после того как я полистала книгу, восхищение сменилось досадой. Опять незнакомый язык...

Разочарованно вздохнув, я некстати вспомнила о сорванных уроках по древним языкам. И, пролистывая книгу, улыбнулась приятным воспоминаниям. Наставники изводили меня кошмарными уроками, а я их – собственными недостатками. Вот, к слову, мэтр Корица (звали его иначе, но от него всегда так несло корицей...) любил слушать себя и наслаждаться тем «впечатлением», которое производили на невежд вроде меня его обширные познания. И я за это зацепилась. Перед уроками ночь не спала, придумывая умные вопросы, а утром задавала их мэтру. Тот, сетуя на мою глупость и обзывая «чащей беспросветной», пускался в длинные разъяснения, которые, как правило, прерывались многозначительными покашливаниями следующей жертвы.

Впрочем, перевернув страницу, я с удивлением обнаружила, что Корице всё же удалось кое-чему меня обучить. И, нахмурившись, не без труда разобрала текст следующего содержания:

– Сиим нижайше прошу тень мою – охранителя моего – явиться на зов мой, дабы оберегать меня во дни... лихие да непогожие, и... Чего? А-а-а! И дланью своей... своей... Или плечом? Плечом... своим невидимым укрывать меня, подо... подопечную, от невзгод да лишений, оберегая, оза-

ря да... сохраняя? Нет... Озаряя да храня?... Тьфу, проклятый язык!..

– Твой? Да уж, твои знания оставляют желать лучшего, – сварливо изрёк скрипучий голос. – Неужто не смогли тебя, человечье существо, обучить необходимому? Впрочем, что с них, с колдунов, взять...

– Ты... кто? – выдохнула я, отползая от книги и прижимаясь спиной к шкафу.

– Что значит «кто»? – возмутился невидимка. – А ты кого звала?

– Не... не знаю, – проямлила я, озираясь по сторонам. – А это что, заклинание было?..

Рядом со мной раздался звук, напоминающий почёсывание затылка, потом вздох, и скрипучий голос презрительно фыркнул:

– Разумеется.

– А всё-таки? – я нервно заозиралась, но увидела лишь длинные тени оконных створок, плавающие в пятне лунного света. – Кто ты и где ты?

– У тебя что, плохо не только со зрением? – с язвительным сочувствием заметил голос.

– А у тебя – с пониманием чужой речи? – обиделась я.

– У Корицы спёрла, – догадался невидимка. – Нет, я всегда говорил твоим родителям: общение с подобными мэтрами не пойдёт тебе на пользу. Ты начнёшь либо тупеть, либо умнеть. И мы явно наблюдаем случай первый.

– А ну, покажись, нахал! – разозлилась я, вскакивая на ноги.

– Додумалась! – облегчённо вздохнул голос. – А всего-то нужно было приказать!

И рядом со мной возникло нечто – крохотный золотистый вихрь, плавно перешедший в... Изумлённо ахнув, я отшатнулась и налетела на шкаф. Тот послушно скрипнул, и что-то тяжёлое, прилетев мне по маковке, закрыло обзор, прежде осыпав вонючим порошком.

Я звучно чихнула, ощупывая свою голову (и заодно – угнездившийся на волосах короб), а «нечто» обидно и откровенно захохотало.

– Что тут смешного?! – стащив короб, рявкнула я.

Смех моего собеседника сменился икотой.

– А т-ты с-себя с-со с-стороны в-видела? – хихикнул он.

Я угрюмо промолчала, рукавом вытирая лицо и изучая чердачное чудо. А оно было на редкость странным. И, если оглянуться на бабушкины сказки, – волшебным. Существо, щурящее глаза-угольки, оказалось крайне мало ростом (чуть больше моей ладони), но широко в кости, с тёмно-малиновым цветом кожи и странной одеждой. Длинное, шитое золотом покрывало, завязанное на тонкой талии, складками струилось до кончиков пальцев, а голову украшал золотой же крученый колпак, лихо сдвинутый на правое ухо.

«Нечто» казалось очень довольным – и своим видом, и произведённым на меня впечатлением.

– Нравлюсь? – сверкнув белозубой улыбкой, оно гордо вздёрнуло подбородок.

– А что, должен? – огрызнулась я.

Существо поджало губы.

– Подумаешь!.. – буркнуло оно в сторону. – А между прочим, я тебе нужнее, чем ты мне!

И верно... Кто ещё расскажет о тайнах моей семьи, чем этот... охранитель?

Я смотрела на сияющий колпак, на крошечные искорки, снующие по покрывалу, и приходила к удивительному выводу. Я... верю. Верю. Верю в реальность происходящего. Верю в искренность родительского разговора. Верю... в то волшебство из сказок бабушки. Верю – так, словно оно всегда было частью моей жизни, которую я почему-то не замечала. Почему?..

– Как тебя зовут, малыш? – дружелюбно поинтересовалась я.

– Малыш? – недовольно взъерошилось существо, покраснев ещё ярче. – Как-как ты меня назвала?

– Ну, если посмотреть правде в глаза, – рассудительно заметила я, – то ты такой... м-маленький... М-да...

И невольно запнулась: крохотное чердачное чудо мгновенно переросло меня, примяв потолком колпак.

– Ух ты! – я бесстрашно задрала голову и восхищённо улыбнулась. – Слушай, а ты кто такой, а?

И меня ничуть не напугали ни внушительные размеры су-

щества, ни злые огненные искры, снующие по его одежде. Наверное, захотел бы навредить – давно бы навредил, да?

– Охранитель я, – грустно вздохнул он, уменьшившись. – Твой. И не в восторге от тебя, а что делать? Надо – так надо, – и красноречиво шмыгнул носом.

Мне почему-то стало его жалко, и я пропустила мимо ушей его «не восторге».

– Давай познакомимся, что ли?

– Ифрил, – послушно представился мой собеседник, – дух огненной звезды – той, которая с хвостом, знаешь... Имени не имею, поскольку являюсь бестелесным духом. А имя своего последнего воплощения за давностью лет подзабыл, но тебе его искать не советую. Много с тех пор воды утекло... Да и не уверен я, что оно сохранилось в родовых летописях. Не любили меня потомки, и за дело.

И мой охранитель с удручённо-проказливым видом почесал затылок. Колпак сполз, открыв одно длинное острое ухо, сверкающую красную лысину и... витые полупрозрачные рожки янтарного цвета.

– Метка звезды! – изрёк он гордо, а я тихо ругнулась, помянув небо.

Опять же, если верить бабушкиным сказкам... А сказки ли она мне рассказывала?..

– Трусишка! – язвительно ухмыльнулся ифрил. Потёр рожки и развалился на книге заклинаний, напяливая колпак.

– Это же знак... – я сглотнула. – Знак насильственной

смерти?.. Мне бабушка говорила, что...

– Подумаешь! – пожал обнажёнными плечами мой собеседник. – Ну да, ну знак... Меня никогда не лю... Тс-с-с!..

Я нервно глянула на открытое окно, повернулась к запертой двери и нахмурилась. Вроде тихо. Вроде... Я насторожённо прислушалась к ночной тишине, но всё равно едва не проворонила скрип ключа, звякнувшего в замочной скважине.

На пороге чердака размытыми тенями возникли мои родители.

Глава 2. О таинственном прошлом и неведомом будущем

Мгновения напряжённой тишины, казалось, растянулись на полночи. Я испуганно замерла, глядя на родителей, а те, в свою очередь, изумлённо таращились на меня. Один ифрил сохранял присутствие духа, наблюдая за нами с явным любопытством.

– Лекс? – первой в себя пришла мама. – Что ты здесь делаешь?

– Вас жду, – брякнула я (да, не пришло мне в голову ничего умнее!)

– Тебе же запрещено здесь появляться, – нахмурился отец.

– Неправда! Запретов касательно чердака я от вас не слышала ни разу! – резко возразила я, припомнив подслушанный разговор. – А почему вы не хотели, чтобы я здесь появлялась? Потому что узнала бы правду о вас? Да?

– Это больная для тебя правда, Лекс, – устало ответила мама, заправляя за ухо тёмный локон, – ты же не из нашего мира. Ты не привыкла к волшебству, и оно лишь сказка для тебя. Ты же человек. А для нас магия...

И она, жестикулируя, взялась что-то объяснять, и говорила, говорила, говорила... А моё сердце то замирало, пропус-

кая удар, то заходило в бешеном ритме.

«Не из нашего мира...»

В знакомых зелёных маминых глазах загорелся незнакомый свет... озаряя чердак. И запрыгали по стенам тени от нежного мерцания, когда её ладони взволнованно сжали, комкая, пояс халата. У меня зашумело в голове, и привычный мир замер... на грани падения. В свет. В яркий, нечеловеческий свет, льющийся с человеческих рук на каменный пол. И от острого понимания стало душно.

Кто я рядом с волшебниками?..

Никто. Тёмная горечь спазмом сжала горло. Тёмная, как мне сказали...

«Лишь сказка»... бабушкина?

Вот с кого спрос...

– Никчёмный человек среди волшебства, да? – с горечью бросила я. – Да ещё и не светлая почему-то?

– Стой, ты куда?! – завопил охранитель.

– Не куда, а отсюда... – буркнула я, снова затыкая за пояс надоевшую юбку и выскальзывая на карниз. – К тому, кто всё мне объяснит без криков и унижений.

И она объяснит, не отвернётся. Всегда была рядом, всегда объясняла, никогда не искала отговорок. И теперь объяснит.

– Ты не можешь просто так уйти! – шипит ифрил, огненным вихрем обвивая мои плечи. – Поговори с родителями, послушай!..

– Не хочу!..

Всю жизнь таились, а я верила... Как и бабушка, но... Бабушка хотя бы в сказках о настоящем и истинном рассказывала.

– Но...

– Исчезни!..

Ветер, мой верный рыжий друг, ждал меня за углом конюшни, нетерпеливо перебирая ногами. Я дрожаще улыбнулась. Опять не захотел ночевать в стойле, опять сам выбрался... Он достался мне почти даром – хилый и тощий жеребёнок, привезённый на ярмарку на убой. Полгода я упрямо выхаживала его, выслушивая нарекания родителей, но добила своё. Больное и нескладное недоразумение превратилось в гордого красавца и верного друга.

Я судорожно обняла коня за шею, чувствуя, как отчаянно рвётся наружу злость. И с облегчением предоставила ей выход, вскочив на спину коня и устремившись по дороге в сторону леса – мимо мрачного замка и душистых цветников, вдоль каменной ограды и по извилистым песчаным дорожкам. Я должна узнать, должна услышать правду, должна понять... А она должна всё мне рассказать. И объяснить. Всё.

А вокруг меня набирала силу гроза. Ветер, швыряясь колючими водяными искрами, с воем гонял по небу чёрные тучи. Деревья, оживая, тянули ко мне мокрые лапы, что-то шепча. Я всегда их слышала, всегда слушалась... Но не сегодня. Пусть не хотят, чтобы уходила. Пусть говорят, что здесь безопасно. Пусть говорят... Небо, пусть помолчат!.. Я рех-

нущь от их криков!.. Они же никогда не говорили так... внятно. И ведь ничего не случилось!.. Ничего... Да. Только привычный мир – вдребезги.

Я прижалась к шее четвероного друга. Жеребец, словно читая мои мысли, рванул через лес напрямик, короткой дорогой. Ледяные струи дождя больно хлестали по спине, заставляя ещё ниже пригибаться к мокрой конской шее и прятать лицо. Голоса деревьев доводили до головной боли и помутнения сознания. Почему они так беспокоятся, я же к бабушке еду... И тихим эхом – *«Уже не вернешься. Нескоро»*. Нескоро?.. Не вернусь, да. В этот мир, полный колдовской лжи?.. Нет, не вернусь.

Жеребец споткнулся, замедлился, поскользнулся и замер. Я неловко соскользнула на землю. Всё, приехали... Я быстро осмотрелась. Дождь стоял стеной, мокрые волосы облепили лицо, но лес... Лес я слышала, и он говорил, что мы почти на месте. Ветер, мелко дрожа, подковылял ко мне, и я с болью заметила, что мой четвероногий друг прихрамывает. Ничего, дружок, потерпи, скоро будем дома... Я обняла его за шею, ласково шепча нежные слова, и потянула за собой по мокрой тропинке. Бабушкин дом близко.

Размокшая от дождя земля противно хлюпала под ногами. Мерзость... Почти не чувствуя замёрзших ног, я упрямо шлёпала по грязи, держась за жеребца. Шла, пока лес не расступился перед нами, открывая ровную дорогу к небольшому замку, в чьих круглых окнах дружелюбно теплились се-

ребристые огоньки. Я воспрянула духом и добралась до искомого убежища, как мне показалось, в считанные мгновения.

Подойдя к запертым воротам, я взялась за бронзовое кольцо и постучалась. Тишина. Я снова постучалась. И снова ничего. Я зло пнула створку. Помогло. Ворота гостеприимно распахнулись вовнутрь, и я проковыляла во двор, попав в объятия пожилой женщины.

– Бабушка... – я спрятала мокрое лицо в складках её плаща.

– Лекс, – улыбнулась она, – что ты теперь натворила?

– Из дома сбежала...

– Опять? – иронично хмыкнула бабушка.

– Не опять, а снова, – поправила я и нервно, сбивчиво заговорила: – Я же такое увидела на чердаке... и услышала... и ифрил ещё вылез... и мама с папой – они же... ну, эти... волшебники. Вроде как...

Бабушка изменилась в лице:

– Значит, узнала?..

– Узнала, – подтвердила я несмело.

– Что ж, время пришло...

– Для чего?..

Бабушка обняла меня за плечи:

– Пойдём домой. Это долгий разговор.

За моей спиной раздался приглушённый цокот – жеребец, прихрамывая, привычно направился к конюшне. И верно,

теперь о нём есть кому позаботиться... Как и обо мне.

Гроза угасала, но дождь не успокаивался, и под мягкий шелест дождевых струй мы вошли в полутёмный коридор. И пока я неловко отжимала длинные волосы и тяжёлую ткань юбки, бабушка задумчиво молчала. А потом слегка подтолкнула меня к лестнице.

– Ступай к себе. Вытрись и переоденься, – отстранённо произнесла она, – а потом, если силы остались, зайди ко мне. Обсудим.

Я кивнула и быстро поднялась по каменной лестнице в свою комнату. Закрыла дверь, с трудом стянула мокрое грязное платье и почти не удивилась, заметив в углу бочку с горячей водой. Почти. Раньше удивлялась тому, что она появляется в моей комнате как по волшебству. А теперь понятно, что не «как». И благодаря волшебному же «как» на прикроватном столике свивается из тумана лёгкий ужин.

Помывшись и зябко закутавшись в тёплый халат, я заплела мокрые волосы в косу, наскоро перекусила и отправилась в бабушкину комнату. И в тёмном коридоре, по детской привычке, громко зашаркала и зашлёпала тапками, прислушиваясь к эху шагов. Прежде, когда бабушка не жила затворницей, когда у неё часто гостили не то наши дальние родственники, не то давние друзья, привычка шаркать в ночи и пугать народ здорово меня развлекала.

Я невольно улыбнулась. Особенно запомнился случай с Яртом, когда он приехал меня навестить и, поддавшись на

ласковые уговоры гостеприимной хозяйки, остался ночевать. Вечером я отправилась к бабушке, чтобы пожелать ей спокойной ночи, а друг, услышав шарканья, принял меня за неприкаянную душу и в одной простыне выскочил в коридор. Я, в темноте налетев на Ярта и по глупости приняв его за привидение, завопила от страха и вцепилась в его простыню, а друг – в меня. За что и получил по... самомнению. Прибежавшая на наши дикие завывания бабушка хохотала до колик в животе.

Весело хмыкнув, я дошаркала до двери, но, взявшись за ручку, посерьёзнала. Неужели сейчас всё прояснится?.. Зайдя в комнату, я вопросительно посмотрела на бабушку. Она сидела в кресле-качалке у очага и задумчиво наблюдала за весёлыми язычками пламени. Серебристо-седые волосы собраны в тугий пучок, брови нахмурены, морщинистые пальцы сцеплены в замок поверх клетчатого пледа.

– Присаживайся, милая, – рассеянно кивнула... волшебница?.. Ведь если родители, то и она тоже?..

Я с ногами забралась в любимое кресло и насторожённо замерла. Казалось, она что-то обдумывает, собираясь с мыслями, и...

– Тебе правильно кажется.

Я напряглась:

– Ты что, мысли читаешь?

– Это нетрудно, у тебя всё на лице написано.

Я нахмурилась и поджала губы.

– Успокойся, – серебристые глаза улыбнулись. – Лучше расскажи, что случилось.

– Всё? – ещё больше насторожилась я.

– Всё, – кивнула бабушка. – Я должна знать, что ты успела подслушать и что именно тебе нужно объяснить.

Ага, чтобы лишнее случайно не сболтнуть...

Я собралась с мыслями и уныло поведала об утренних стычках (умолчав, правда, о своих лесных похождениях под луной), упомянула о приезде Ярта, и разговор внезапно свернул в другую сторону.

– Вернулся? – бабушка оживилась. – Учёбу закончил?

– Сказал, что закончил, – я пожала плечами. – Вроде практика осталась... – и я запнулась, зацепившись за неожиданную мысль.

А ведь и Ярт может быть одним из них – из волшебников. Когда я расспрашивала его об учёбе, друг увиливал от прямых ответов, но так и сыпал вопросами – видимо, чтобы занять меня и отвлечь. И странности времени, когда мне почудилось, что оно замерло... Магия?

– Вырос, значит, тот вёрткий босоногий мальчишка, который воровал у меня сливы? – она задумчиво улыбнулась.

– И ещё как вырос... А вёрткости в нём почти не осталось. И босоногости, – добавила я с грустью.

– Жених теперь? – она глянула на меня искоса, смешливо.

– Угу, – кивнула я, пропустив намёк мимо ушей.

Он мне друг и брат по духу. И по крови наверняка род-

ственник. Мы с ним слишком во всём похожи – разрез и цвет глаз, интонации, повадки, привычки. Сложно воспринимать человека иначе, если с пелёнок спишь с ним в одной постели, отбываешь наказание в соседнем углу и рассказываешь о самом сокровенном. Даже если, оказывается, ничего о нём не знаешь.

– Мы отошли от темы, – напомнила бабушка.

– Так вот, – неловко продолжила я, – вернувшись, я застала маму с папой в своей комнате: они сидели в засаде и выясняли отношения. И... Честно, я не хотела подслушивать, оно случайно получилось! Некуда мне было деться с карниза! В соседнюю комнату лезть или вниз – окнами хлопать и выдать себя. Ну и я подумала, что они скоро уйдут... А они всё не уходили. Пришлось лезть выше, а там...

– Чердак?

– Ну да, – я заёрзала. – Кто же знал, что там столько всего хранится...

– Что именно?

– Гусеницы сушёные, – сморщилась я, – свитки, котлы, книги...

– В книги тоже нос сунула? – уточнила бабушка. На лице – полнейшее спокойствие.

– Сунула, – я отвела глаза. – Но прочитать только одну смогла, про охранителей.

– И с тех пор один из них невидимкой вертится рядом... Иф!

– Да? – недовольный охранитель вынырнул из-за моего левого плеча.

– Вон! – велела бабушка, и ифрил растворился в воздухе. – Продолжай.

– Ну... На шум пришли родители и заявили, что я – не из их мира. И не маг, и вообще почему-то тёмная... Я разозлилась и сбежала. К тебе. Ты ведь сказками намекала на волшебный мир, и я верила...

– Да... – она нахмурилась. – Да, всё тайное однажды становится явным...

У меня на языке вертелся с десятков вопросов, но я стойко молчала. Бабушка сама всё расскажет в нужное время. И оно, похоже, настало. Внимательно и серьёзно посмотрев на меня, она мягко спросила:

– Лекс, готова ли ты понять и принять правду?

– А у меня есть выбор? – вздохнула я, теребя влажную косу.

– Пожалуй, нет. И верь тому, о чём расскажу, договорились?

– Угу, – кивнула я, мрачно глядя на пляшущий в камине огонь.

Да, волшебники, звери-оборотни, привидения и прочий легендарный бред, о котором я прочитала уйму книг, оказывается, легендарным не являлся. Более того, чудеса не ушли в легенды, а продолжают жить и здравствовать. По словам бабули, наш мир кишмя кишит необычными созданиями,

волшебство в нём бьёт ключом, и я должна была спотыкаться о него на каждом шагу, потому как жила в семье потомственных волшебников. Я, конечно, давно знакома с одним волком-оборотнем, но мне казалось, что и оборотни – это обычные существа природы, а не порождения магии. Но...

– Мы хотели защитить тебя – в первую очередь, от тебя самой, – тихо говорила бабушка, щурясь на огонь. – Люди в силу своей немагической природы болезненно реагируют на проявления волшебства, даже если сталкиваются с ним ежедневно. Такова их сущность. Людям не хватает веры, умения видеть чудеса и мудрости принять их. Посмотри на меня.

Я подняла взгляд и обомлела. Передо мной сидела не скромная старушка в длинном халате, а изящная... волшебница в длинном серебристом платье, словно сотканном из лунных лучей. Волосы собраны в высокую причёску, морщины на лице разгладились, а кожа излучала лёгкий серебристый свет. Поразительно молодая и поразительно... невероятная.

Я несколько раз украдкой ущипнула себя за руку, вновь и вновь убеждаясь в реальности происходящего, и прошептала:

– Кто же... вы?..

– Моя сила – лунный свет, – с улыбкой объяснила та, кого я всегда знала как свою любимую бабулю.

– А-а-а... Так... Ну... – промямлила я и прикусила язык, когда платье волшебницы растаяло лунной дымкой, возвра-

шая привычный халат. – М-да-м... – закончила свою «речь», кашлянув.

Бабушка мягко улыбнулась:

– Извини, не удержалась. Показательность лучше любого рассказа.

Легче, однако, не стало, и мне заботливо предложили чаю. Я молча кивнула, соглашаясь, за что и поплатилась, увидев, как с помощью магии готовится чай. Бабушка щёлкнула пальцами, и перед моим носом в воздухе появилась дымящаяся чашка.

– Не обожгись.

Снова кивнув, я недоверчиво дотронулась до краешка блюдца. Надо же, не исчезает... Аккуратно «сняв» чашку и блюдце с воздуха и подув на чай, я вдохнула терпкий травяной запах. Вот как у них это получается, а?.. Я посмотрела на бабушку с недоверием и любопытством.

– А что ты ещё умеешь? – поинтересовалась вкрадчиво.

– А что тебя интересует? – также вкрадчиво переспросила она.

– Не знаю... – замялась я. – Я ведь, получается, совсем ничего о тебе не знаю...

Да, как и о родителях. Как и о Ярте.

– Ты и о себе ничего не знаешь, – заметила бабушка добродушно.

Чай был забыт.

– В смысле?

– В прямом, – отозвалась она и продолжила рассказ, а я, изумлённо моргая, слушала её и с трудом заставляла себя верить.

Во все времена звёзды присылали в волшебный мир защитников. Тех, кто владеет редкой и невероятной силой, отличной от привычных магических способностей. Раз в двести лет с небес срывается Двойная звезда, и её появление давно научились предсказывать, как и то, в каком краю появится защитник. А иногда угадывали, в чьей именно семье. И вот, я, дитя магии Двойной звезды, родилась. Вроде как защитник. А по сути – человек без намёка на волшебный дар. Правда, я слышу голоса природы...

– А от чего... защищать? – честно говоря, мне не верилось ни в какие защиты. Вообще.

– От разного, – уклончиво ответила она.

– Но я...

– Мы наблюдали за тобой и пытались понять природу твоей силы, – задумчиво произнесла бабушка. – Обычных детей Двойных звёзд не бывает, все с волшебным даром. Но прошли годы, тебе исполнилось восемнадцать, а твоя сила по-прежнему остаётся сокрытой.

Сокрытой... или отсутствующей?.. Я рассеянно прислушалась к треску поленьев. Может, неправильно истолковали знамения, неверно определили место появления защитника, и Двойная звезда не имеет ко мне никакого отношения?.. И то, что я родилась человеком в мире магов, – это случайность

и невезение?

Или, наоборот, везение?..

Окружающий мир застыл, утратив черты реальности, и на мгновение мне почудилось, что случившееся – это сон, а рассказ бабушки – плод моей больной фантазии. И с каждым ударом сердца я ждала, что вот-вот проснусь, и всё вернётся на свои места. И я окажусь дома, а разговор родителей, ифрил, чердак и книга про охранителей – в моём дурном воображении, в рассказанных бабушкой сказках, нереально ярком сне.

И, кстати, я действительно проснулась. Но отчего-то оказалась не дома, в постели, а в бабушкином кресле. А комнату заливали яркие потоки солнечного света, намекая – пора вставать.

Сев, я потянулась, разминая затёкшую спину, здраво рассудила, что мне всё, вплоть до чердачных злоключений, приснилось, но тут снова начались чудеса. Словно почувствовав, что я проснулась, кресло... поехало к двери. Я, взвизгнув, поджала ноги и вцепилась в подлокотники. Мама!.. Нет, не то...

– Бабуля-а-а-а!..

Жалобный вопль остался без ответа, а кресло, миновав самостоятельно распахнувшуюся дверь, полетело в мою комнату. Можно подумать, я сама до неё не доберусь!.. Я доберусь! Но попытка спрыгнуть на пол провалилась: подлокотники, едва я приготовилась к прыжку, мёртвой хваткой вце-

пились в мои руки, а кресло ускорило и взмыло к потолку. И я с трудом угомонила.

Однако в комнате оно тоже не собиралось оставлять меня в покое. Едва я почистила зубы и умылась, как кресло подпихнуло меня под колени, сжало в цепких объятьях и вновь куда-то поволокло. Я ругалась и угрожала, но оно продолжало путь, не обращая на мои слова никакого внимания. Зато обратила бабушка.

– Лекс, не шуми, – заметила она, когда кресло доставило меня в столовую. – Оно выполняло мои указания.

Я спрыгнула на пол, нервно затянула пояс халата и сердито пробурчала:

– Да будто бы я сама не в состоянии...

– В состоянии, – она миролюбиво улыбнулась. – А ещё ты любишь проваливаться в постели до обеда. Но сегодня у нас нет на это времени.

Фыркнув, я села за стол и пододвинула к себе тарелку с кашей.

– А в чём дело?

– Сегодня же ты отправишься к Звездочёту. И останешься у него в учениках, – спокойно ответила бабушка, подмигнув чайнику. Тот проворно бросился разливать чай.

– Что?! – я судорожно сжала ложку.

– Что слышала, – убийственная невозмутимость и на лице, и в голосе.

Я мрачно уставилась в тарелку, ковыряясь в каше. Одна-

ко...

– Всё решено, – неторопливо продолжила она. – Все сопроводительные бумаги готовы, твои вещи я уже собрала, и ты отправляешься сегодня же.

– Но... – попыталась вякнуть я.

– Никаких «но», – отрезала бабушка.

Я вновь уткнулась в тарелку. Вот те и сбежала из дома... Но кто же знал, что всё так обернётся?.. Зачем мне куда-то уезжать и учиться неизвестно чему, если у меня нет никаких способностей?

Или есть?

– А ты учить не можешь?.. – робкая надежда и осторожный взгляд из-под ресниц.

Я... я боюсь, да. Всю жизнь мечтала вырваться из родительского замка в большой мир, а теперь, когда дверь в него открылась... я испугалась. Я же ничего там не знаю!..

– Нет. Жду тебя в библиотеке. Не задерживайся.

«Не задерживайся»?

Я нарочно медленно скребла по тарелке ложкой, собирая остатки каши. Интересно... То я, видите ли, не из их мира и прав на знания не имею, то обязана куда-то топать, непонятно зачем...

Не хочу!

– А надо, – раздался приглушённый голос ифрила.

– Зачем? И почему именно к этому... как его там... Звездочёту? – осведомилась я, озираясь в поисках охранителя.

– Твоей бабушке виднее, – заметил он. – И точно виднее, чем нам.

– Посмотрим... – проворчала я, краем глаза заметив посреди стола маленький золотистый кувшин – жестяной, скрученный спиралью, с длинным носиком и витой ручкой.

Кувшин, где, судя по звукам, и скрывался дух огненной звезды – той самой, которая с хвостом.

– Поставь на место! – завыл охранитель. – Не трогай! Это же уникальная вещь! Второй такой в мире больше нет! Брось, а то уронишь!.. Убери руки, кому сказал!

– Тогда вылезай сам!

А он вдруг чего-то испугался:

– Обойдётся! – и голос такой дрожащий-дрожащий.

– И не подумаю!

Страх большого мира неожиданно перерос в острую вспышку злости на всё – от зловредного охранителя с его едкими высказываниями до несчастного молчаливого кувшина. Тонкая хрупкая ручка погнулась, крышка отлетела в сторону, а из горлышка с воплем вырвался сноп красно-жёлтого пламени.

– Ты!.. – застонал ифрил, вцепившись в крышку. – Ты хоть знаешь, что держишь в руках?! Это же штучная вещь, на заре времён сделанная!..

– Ну и что? – зло буркнула я. Ярость почти улеглась. Но вот страх засел занозой.

– Невежда! – в его чёрных глазах мелькнуло презрение к

моей никчемной личности. – Да что ты в этом понимаешь?..

– Ничего, – равнодушно пожала плечами я, вставая. – Кстати, а как эта «штучная вещь» оказалась у тебя?

– Ук... Не твоё дело! – обиженно рявкнул ифрил.

– Значит, украд? – ухмыльнулась я, выходя из столовой и поднимаясь по лестнице.

– Ничего подобного. Я его... одолжил. На время.

Я хмыкнула:

– До заката времён?

– Э-э-э... Да ну тебя... – ифрил, загнанный в угол, обиженно замолчал.

Я прошла по широкому коридору до арочного проёма и с опаской заглянула в библиотеку. Бабушка ждала меня со столь серьёзным выражением лица, что я согнала с губ улыбку.

Начинается...

Она сидела у окна за большим столом и листала книгу. Охранитель при виде массивных книжных шкафов восторженно запищал «о редких-редких редкостях». Когда я осторожно села в старинное мягкое кресло, бабушка рассеянно попросила подождать. И, пока она разбиралась с делами, я шёпотом велела охранителю заткнуться. Ифрил надулся и полетел нарезать круги над шкафами, тихо бормоча имена мастеров.

Наконец бабушка отложила книгу на край стола и задумчиво посмотрела в окно, словно собираясь с мыслями.

– Мы остановились на том, что ты собираешься куда-то меня послать, – напомнила я сухо.

– Да, и ты поедешь, – кивнула она. – Если ты смогла самостоятельно, без посторонней помощи, призвать своего охранителя, значит, сила просыпается. Звездочёт, конечно, нелюдим и мрачноват, но он лучше всех разбирается в скрытых способностях. И лучше нас поможет тебе их развить.

– А ты? – повторила я. – Почему ты не можешь быть моей наставницей?

– У меня нет права учить магии, – покачала головой бабушка. – Наставничество – это дар, который проявляется далеко не у всех.

– Но почему именно к нему? – допытывалась я.

Скрывает она что-то, не только в «лучше всех разбирается» дело. Если не лжёт, то недоговаривает. А я становлюсь недоверчивой и подозрительной, да. Всю жизнь глаза отводили под благими предложениями вместо того, чтобы о мире рассказать, который ещё и «защищать» придётся... наверное. Не хочу верить в детей и магию... Не хочу!

– Строгое расписание жизни, максимум зубрёжки, минимум свободного времени, куча книг и никаких конных прогулок, – насмешливо заметил ифрил. – Год-другой взаперти – и приличная волшебница готова к употреблению.

– Что? – взвилась я. – Не поеду!

– Не слушай болтуна, – улыбнулась бабушка, – гулять тебе никто не запретит. Но в остальном Иф прав – Звездочёт

научит многому. Кроме того, он составляет ученику «Карту жизни» с подробным разбором прошлого и предсказанием будущего, с описанием силы и способностей. «Карта» прояснит твою дальнейшую судьбу и...

Я отвернулась. И определит, та ли я, за кого меня принимают? Я обречённо посмотрела на бабушку и прочла в её строгих глазах приговор. Всё, кончилась моя свободная жизнь весёлой вольной пташки... Пора взрослеть.

– И что дальше?

– Добраться до места, – взмах руки, и между нами прозрачной стеной замерцала карта. – Замок Звездочёта находится к северу от нас, у подножия Облачных гор.

Я с любопытством уставилась на карту. Да, я ни разу не видела карту мира. И эти знания от меня тоже почему-то скрывали. Боялись, что заинтересуюсь и сбегу за пределы своего Лесного края?.. Карта напоминала пирог, разрезанный на восемь кусков. Озёрный край, Песчаный край, Болотный и Островные края... Какой же он огромный, наш мир... И почему-то частично чёрным закрашен. И с дрожью вспомнилось отцовское: *«Это путь тёмной»*.

– Ваш волшебный мир... – я замялась, подбирая нужное слово. – Двумирный, да?

– Есть тёмные и есть светлые, – кивнула бабушка. – За тёмной краской – не наши земли. Тёмные маги живут по духу и его велениям, и бед от них немало. А мы – свет, разум. Мы бережём то, чем владеем, – и посмотрела на меня так,

словно чего-то ждала.

А мне не хватило духу спросить. О себе. Страшно стало. Мало того что не маг, так ещё и, кажется, не совсем свет?.. В Пустынные земли ещё отошлют... учиться тьме. Нет уж, лучше к Звездочёту, даже если он живёт дико далеко от моего дома. Хотя мне сейчас всё будет казаться далёким – в незнакомом-то мире.

– А это что? – я указала на толстую чёрную черту между двумя «кусками» краёв. Указала на одну, но такие чёрточки были везде, между всеми краями. Точно поваленное дерево между полянами.

– Приграничье. Здесь живут люди.

– А это? – я указала на крупную точку в центре «пирога».

– Внутренний мир, – пояснила бабушка, – кладовая магической силы. Но о нём ты узнаешь позже. Сейчас путь запоминай, – и от «точки»-замка, находящейся в середине Лесного края, к приграничью извилистой змеёй поползла чёрная линия.

– Далековато! – дружно присвистнули мы с ифрилом.

– Ничего, доберётесь. Дней десять – и вы на месте. Путь до гор проходит через шесть городов и восемь деревень, и ночевать под открытым небом не придётся. Деньги на дорогу я тебе дам. И покров – отвод глаз – наброшу. Отведу чужие... интересы. Для твоей же безопасности. Далее. Письмо Звездочёту я уже отправила. Как приедешь, покажешь ему эту бумагу, – на мои колени опустился серебристый лист, ис-

писанный чёрными чернилами, с печатью, которую я видела на родительской книге заклинаний. – А после тебе предстоит проверка.

– Какая проверка? – насторожилась я, отвлекшись от карты.

– Проверка знаний, – улыбнулась бабушка, откинувшись на спинку кресла. – Звездочёт слишком занят, чтобы тратить своё время на неучей, бездарей и лентяев с улицы. И, между прочим, твоё образование мало чем отличалось от того, что получают дети волшебников.

Я приуныла, некстати припомнив свои многочисленные прогулы, сорванные уроки и скандалы с наставниками. Ведь я же... бездарь.

– Это будет весело, – хихикнул ифрил, пропуская мой убийственный взгляд.

– Надеюсь, ты не посрамишь моё имя, – добавила бабушка строго. – Я с трудом уговорила Звездочёта принять тебя, так что изволь потрудиться. У тебя будет почти две недели на подготовку. И, пожалуй, я дам тебе в дорогу несколько книг.

Она прошлась вдоль шкафов, выманивая оттуда книги и складывая их в стопку на столе. И когда книг набралось с десятков, бабушка решила, что этого «пока» хватит. Я перевела дух. Нет, я любила читать, но мне нравились вещи интересные – про тайны и приключения, про подвиги и любовь. А «Словник древнеарийского языка» и «История развития древологии» к «интересному» никак не относились.

– Я постараюсь тебя навещать, хотя Звездочёт этого не приветствует. И с родителями поговорю.

– Нет! – встрепенулась я. – Не надо.

– Неужели ты не сможешь их простить? – тихо спросила она, остановившись за спинкой моего кресла. – Ведь это я, Лекс. Это я настояла на сокрытии. Я велела воспитывать тебя как человека, вдали от магии. Если бы не я...

– А они согласились, – резко возразила я. – Поддержали. Не захотели... – и запнулась, прикусив губу.

– Время всех рассудит, – ифрил мягко сел на моё плечо.

– Действительно, – согласилась бабушка. – Бери книги.

Пора.

По пути я уныло заглядывала в каждый тёмный закоулок, молча прощаясь с родным замком на неопределённый срок. Кстати, а почему на неопределённый?

– Бабуль, а сколько мне учиться? У Звездочёта?

– У мэтра Звездочёта. При должном усердии – года полтора-два, – прямо ответила она.

Сколько? Полтора-два года?

– Этот срок необходим для получения степени ученика, – продолжала бабушка. – А если захочешь получить магическую степень, то и больше.

– Что за степени?

– О, их много. Потом расскажу, – отмахнулась она. – Сначала хотя бы звание ученика защиты. А потом... будет потом.

Я вздохнула, отстав от бабушки и завернув в свою комна-

ту. Сняла любимый старый халат и переделалась в дорожное. Привычные штаны и рубаха для непривычного случая – для дальней дороги в неизвестность... Я затянула пояс, заплела косу и показала язык своему рыжеволосому отражению в зеркале.

Ну, хотя бы до «ученика» помучаюсь – ради «Карты жизни»-то... Заноза страха заелозила, закололась больно. Мир – даже мир этих десяти дней дороги до Звездочёта – так огромен, а я...

– Ха, думаешь, степень получить так же просто, как залезть на Дуб-прародитель? – почти привычно зазудел ифрил. – А не выйдет. Шевелить мозгами-то труднее, чем мышцами.

– Посмотрим.

Мы вышли во двор, где меня уже поджидал, переминаясь с ноги на ногу, верный Ветер. Теперь-то я знаю, как бабушка вылечила его за одну ночь... Пока я обходила коня, проверяя надёжность ремней и шаря по походным сумкам, бабушка достала второй серебристый свиток-письмо.

– Спрячь его подальше и при въезде на постоялый двор показывай управляющему, – объяснила она. – Это право на бесплатный ночлег, ужин и завтрак. На постоялых дворах подолгу не задерживайся. Молодой и симпатичной девушке опасно путешествовать одной. Даже под волшебным покровом. Извини за торопливость. Не случись всё так быстро, я бы обязательно нашла тебе провожатого.

...и ещё найду, отчего-то почудилось недомолвкой.

– Но я смогу за себя постоять, – возмутился я.

– Ты меня поняла? – бабушка нахмурилась. – На дорогах нынче беспокойно, Лекс. Будь незаметной и укрывайся на постоянных дворах до восхода Двойной луны. Никаких ночных походов. И никаких безумных поступков, слышишь?

– Слышу, – бодро улыбнулась я.

Страх сменился нездоровым азартом. Вот, мечтала о свободе? Мечты сбываются. Только не так, как... мечталось. Со всем не так.

– Иф, – она обернулась к охранителю, – надеюсь на тебя.

– Конечно! – отозвался тот легкомысленно.

– Тогда в путь, – бабушка обняла меня на прощание, – и да благословят тебя звёзды.

Моё сердце сжалось. Когда теперь увидимся?.. И до меня дошло: возврата в прежнюю жизнь уже нет. Больше не будет ночных побегов из окна, долгих прогулок по лесу и беззаботной жизни под родительским крылом. Мне придётся самой заботиться о себе и самой отвечать за себя. И как скоро я теперь увижусь со всеми и... с Яртом?

А вдруг он вернётся с практики, а меня здесь уже нет?..

– Да... – я быстро обняла её. – До встречи?..

– До встречи, милая, – улыбнулась она, глядя, как я привычно и немного нервно взбираюсь в седло. – Конечно же, до встречи.

Ветер, почуяв свободу, резво устремился прочь. Я ехала среди деревьев, прислушивалась к щебету птиц, дышала вчерашней грозой, но видела старинный, увитый плющом замок в сердце леса. И маленькую светлую фигурку, замершую у ворот.

До встречи, бабуль... Обещаю не опозорить тебя и вытрясти из Звездочёта, то есть у мэтра Звездочёта, ученическую степень... то есть заслужить, конечно же... И постараюсь победить страх большого мира. И преодолеть собственную бездарность. Хотя...

Хотя – чему маг может научить человека? Разве что... пониманию сути волшебного мира? Для начала?

– Иф, ты запомнил дорогу?

– Разумеется, – подтвердил он и тихо добавил: – Знаешь, я ведь никогда не уходил далеко от родового поместья. Не думал, что это так... тяжело.

– Не волнуйся, я же с тобой.

– Вот это меня больше всего и напрягает, – уныло отозвался ифрил.

Глава 3. Беспокойная ночь

– Лекс, ешь, ну же, – уговаривал Иф, пока я с отвращением ковыряла вилкой остывшие котлеты.

– Фу, какая гадость! – сморщилась я, отодвигая тарелку.

– Избалованная девчонка! – пробормотал раздосадованный охранитель, кружа над столом огненной пчелой. – Вот что тебя здесь не устраивает, а? Что?

– Мясо, – буркнула я. – Ненавижу мясо!

– Нет, вы только посмотрите на неё! – простонал он. – Мясо она ненавидит!.. А коли нету здесь ничего другого? С голоду пухнуть будешь?

– Буду! – гордо вздернула подбородок я.

– А ну, ешь, я сказал! – потеряв терпение, рявкнул Иф, грохнув кулачком по столу так, что тарелки с вилками, звеня, подпрыгнули.

Однако... С виду мелкий, а силы-то сколько...

Сидящий за соседними столиками народ вытаращился на меня с подозрением. Ага, для них-то посуда подпрыгнула сама по себе... Ифа никто не видел, кроме меня. Хотя, возможно, он зрим для магов.

Я мудро «не заметила» чужие вопросительные взгляды, дождалась, когда они «отведутся», и сквозь зубы прошипела:

– А ну, угомонись... Лучше поищи что-нибудь путное поесть.

– Что, например? – угрюмо поинтересовался он.

– Всё, что найдешь, но только не животного происхождения.

– Ладно... – смирился охранитель и исчез, а я, вытянув ноги, рассеянно уставилась на уголок стола.

За шесть дней пути я успела насмотреться всякого, в том числе и на завсегдаев постоянных дворов, которые (в смысле, люди) являли собой безликую серую массу, снующую по делам. Всякого – кроме волшебства. Ничего необычного: мир как мир, а люди как люди, в смысле маги. В чем разница? Да, я не молодею, как бабушка, в лунном свете, но ведь и они тоже. Так зачем же мир-то от меня прятать?

Мои размышления прервал чей-то гневный вопль:

– Где мой рис?!

Я усмехнулась: Иф взялся за дело. Бедняга, я его за эти дни совсем загоняла... Но кто же виноват, что по бабушкиному письму мне выдавали исключительно дежурное блюдо с мясом? От мяса я избавлялась, а охранителя посылала за добавкой. Он ворчал, рычал, вопил, но я ничего не могла с собой поделать. Я выросла в лесу, среди зверюшек и птичек, и не представляла, как можно питаться этими созданиями.

– Держи, чудовище, – ифрил, воровато оглядевшись и убедившись, что за нами никто не наблюдает, опустил на стол тарелку с дымящимся рисом и салатом.

– Благодарю, друг, – улыбнулась я и принялась за еду.

– Ладно, чего уж там... – буркнул он, наблюдая, как я ем,

и озабоченно добавил: – Подкормить бы тебя, а то совсем в дороге отошала. Родня меня не поблагодарит.

Я едва не поперхнулась салатом, прыснув:

– Да я всю жизнь такой была!

– Потому что мясо есть надо!

Фыркнув, я склонилась над тарелкой, а Иф продолжал ворчать, пока я заканчивала ужин.

– Кстати, Лекс, – ифрил уселся на уголок стола, – а тебе не кажется, что за тобой наблюдает вон тот тип за противоположным столиком?

– А? – удивилась я, замерев с поднятой кружкой. – Кто?

– Во-о-он в том тёмном углу, – показал охранитель, – правее. Да не тарачись ты так! Хочешь, чтобы он обо всем догадался?

Я рассеянно осмотрелась по сторонам, прикрыв лицо кружкой. Обеденная комнатка – маленькая, тесная, с низким деревянным потолком, – напоминала многогранник со множеством тёмных углов. И за мной и наблюдали из угла противоположного. Сосредоточившись на ощущениях, я отметила чужой скользкий – ко мне, от меня и обратно – взгляд и разочарованно нахмурилась: угол скрывался в тени полностью. Даже столика не видно, не говоря уж о личности.

И, кстати, личности, которая следит за мной с очевидным интересом, минуя отводящую магию бабули. Таки послала она приглядчика?.. По её прощальному монологу я сразу поняла: попутчику быть. Так хоть бы познакомиться подо-

шёл... или – шла. Я не кусаюсь. Иногда.

– Кажется, я где-то его встречал... – протянул Иф.

Я едва не поперхнулась чаем. Вспомнила! Два последних дня мне казалось, что за нами кто-то едет, а позавчера один странный тип зашёл на постоянный двор следом за мной. Я ещё внимание на него обратила, потому как он, закутанный в плащ, прошмыгнул мимо меня и сразу в угол забился. А вечера-то тёплые – на кой ему плащ?

– Как думаешь, это бабушкины проделки? – шёпотом спросила я.

– Вряд ли, – хмыкнул мой спутник, – я же с тобой, а мне она доверяет. Нет, что-то тут нечисто...

– Ладно, – встала из-за стола я, – утро вечера мудренее. Пора спать, – и, обогнув столик, в пять шагов добралась до лестницы и отправилась наверх, затылком чувствуя чужой взгляд.

Ифрил, пробормотав что-то про важные сведения, решил покараулить «странную личность». Поднимаясь, я пожела-ла спокойной ночи седовласому хозяину постоянного двора и, увильнув от разговора о погоде, позорно сбежала. Общаться за дорожные дни я так и не научилась. О чём, честно, не жалела.

Комнаты постоянных дворов похожи, как отражения. Кровать, столик, кресло, шкаф, ковёр и две двери, кроме входной, – одна в ванную комнату, вторая на балкон. Зайдя в свою, я распахнула окно, впустив в душную спальню про-

хладный сумрак летней ночи, и занялась сумками. Вспомнила, что у меня нет ни одной чистой вещи – дни в дороге по пыли и грязи сделали своё чёрное дело. А «полезных» книг мне бабушка собрала в дорогу больше, чем одежды. Наверное, завтра останусь здесь, если, конечно, вещи не высохнут за ночь...

Я решительно засучила рукава и взялась за стирку, от которой меня отвлек появившийся охранитель.

– Ты чего тут затеяла на ночь глядя?

– Стирку, как видишь, – отозвалась я, кинув ему прополосканную рубаху. – Развесь на балконе, будь добр. И принеси мне воды. Бочки – прямо по коридору.

Ифрил одобрительно кивнул и, сопя, взялся помогать. С его помощью (главное – он умел греть воду!) я закончила дела быстро и, искупавшись, надела старые, обрезанные по колено штаны и бывшую папину рубаху, в которых обычно ходила по дому и иногда спала. Когда-то я вцепилась в рубаху из-за насыщенно зелёного цвета, теперь же она стала тускло-серой, продралась на локтях и обтрепалась по краям. Мама частенько грозилась её выкинуть, но я не позволяла. Я вздохнула, обняв руками плечи. Папа... Мама... За что же вы так со мной?..

Спать расхотелось. Читать бабушкины книги – и не начинало хотеться. Я уныло побродила по комнате, влезла в тапки и отправилась на улицу – подышать свежим воздухом. Иф, вздыхая и поминая бабушкины повеления, увязался сле-

дом. Пока мы спускались по лестнице, охранитель ныл, но, заслышав доносящиеся из главного зала приглушённые голоса, вынужденно замолчал. Видеть его не видели, но иногда слышали.

– Кажется, личность-то на месте, – заметил он сиплым шёпотом.

– Которая за мной следила? – встрепенулась я, осторожно заглядывая в обеденную комнату.

Ага. Сидят. Приличные посетители давно разошлись, помещение погрузилось в полумрак, разбавленный лунным светом, и в знакомом углу я заметила движение – и три тёмных, шушукающихся силуэта. Я, подгоняемая любопытством, разулась, присела на корточки и, растворившись в тени стены, поползла к заговорщикам.

– Лекс, ты что задумала? – забеспокоился охранитель. – Ты же обещала бабушке не делать глупостей!

– Так я ещё и не начинала, – усмехнулась я, притаившись под соседним от троицы столиком. – И ничего я не обещала.

Я прислушалась к разговору, но безрезультатно: во-первых, заговорщики беседовали тихо, а во-вторых, ифрил шипел не затыкаясь, упрашивая меня вернуться в постель.

– А если они тебя поймают? – настырно ныл он. – А вот если...

Отчаявшись, я попыталась поймать охранителя, да он увернулся. Я на пальцах велела ему подлететь к соседнему столику и подслушать разговор.

Иф скорчил недовольную рожицу:

– Ненормальная!.. – но полетел к заговорщикам.

Я насмешливо хмыкнула про себя. Да, ненормальная. Зато жить легко и мир простым кажется... Мои размышления прервал шёпот ифрила.

– Всё, можно сваливать, – доложил он, – мы им не нужны.

Точнее, им не мы нужны.

Я вопросительно подняла брови.

– Какой-то таинственный «он». Расслабься.

Кивнув, я ползком попятилась назад. Нет, не внушает мне доверия эта шайка... И, как выяснилось позже, чутьё не подвело. Я добралась до выхода из обеденной и своих тапок, обулась и с удовольствием выпрямилась, разминая затёкшие ноги.

– Чего стоишь? – снова забеспокоился ифрил. – Двигай в комнату, пока не засекли!

– Уже... – проворчала я и на всякий случай снова заглянула в обеденную.

Убедившись, что троица осталась на прежнем месте, я осторожно поднялась по лестнице и, оглядываясь, вышла в коридор. Пусто. Узкое тёмное пространство и едва заметные в сиянии Ифа пятна дверей. Моя комната – первая за поворотом.

– Не нравится мне всё это... – бормотал меж тем огненный зануда. – Попадём мы из-за тебя в историю, ой, попадём!..

– Угомонись, паникёр!

– Вот увидишь, я окажусь прав, – зловеще предрёк он.

Тихо скрипнула, открываясь, дверь. Я насторожённо замерла, прислушиваясь, и получила толчок в спину. Отшатнувшись, я возмущённо ойкнула, и мне ответило приглушённое ругательство. Ифрил, вереща, заметался по коридору. Обернувшись, я онемела от страха: надо мной возвышалось нечто, закутанное в длинный плащ. Кажется, в тот самый, с воротником...

Я попятилась. Нечто зловеще двинулось на меня. Я упёрлась спиной в стену. Нечто красноречиво растопырило руки, повторяя мои судорожные движения влево-вправо и перекрывая путь. И то ли смеха ради пугало, то ли всерьёз нацелилось... А живой не дамся!.. Но под мышкой проскочить не получилось – крепкая рука ухватила за шиворот и вернула на место у стены. И перепуганной мне оставалось только одно...

– А-а-а, на по-о-ома-ащь!..

Неизвестный же, ругнувшись, сгрёб меня в охапку, зажал ладонью рот и поволок по коридору, хрипло шипя:

– Да не ори ты! Хватит! Я ж пошути... твою мать!..

Это я, потеряв тапку, исхитрилась лягнуть чужака в колено. Он, выругавшись, разжал руки и выронил меня. Я же плюхнулась на пол и, вскочив на ноги, задала стрекоча, но далеко не убежала. Подножка, наброшенный на голову плащ – и незнакомец снова сгрёб меня в охапку, перекинул через

плечо и куда-то потащил. Я, конечно, и лягалась, и извивалась, и вопила, вторя испуганному вою Ифа, но не добилаь ничего. И испугалась. Я ведь не хрупкая кукла и сильнее, чем выгляжу...

По судорожным движениям чужака я сообразила, что он мечется по коридору в поисках укрытия, и на всякий случай заголосила еще громче. А вдруг кто проснётся и поможет!.. И где она, эта м-магия, когда она так нужна?.. И где, спрашивается, ифрил, когда он так нужен?.. Тоже мне, охранитель! Только и умеет, что испуганно верещать!

Не успела я о нём подумать, как Иф, заикаясь, промямлил:

– С-сюда... в-вот. П-пожалуйте...

Ах ты, трусливая огненная задница! В мою комнату привёл?!

Хлопнула дверь, и меня грубо опустили на что-то мягкое, в коем я на ощупь опознала кровать. А потом по глазам ударил яркий свет, и знакомый уже голос хмуро произнёс:

– Сама замолчишь или помочь?

От неожиданности (да, кровать оказалась моей) я соизволила заткнуться и, моргнув, уставилась на смуглого парня – чуть постарше меня, недовольная рожа, взъерошенные тёмные волосы и мрачный серый взгляд. Некоторое время мы молча таращились друг на друга, после чего дружно открыли рты и так же дружно их закрыли, заслышав в коридоре топот многочисленных ног.

И он стремительно приближался.

Реакция на шум у нас была совершенно противоположной. Если я обрадовалась, что нахала поймают (теперь-то понятно, чьи поиски обсуждались той чёрной троицей...), то незнакомец помрачнел, огляделся, а потом сделал совершенно неприличную, на мой взгляд, вещь: погасив свет, сдёрнул с кровати одеяло, накинул его на меня, а сам нырнул следом. И лишь тогда я сообразила, что яркий свет исходил не от свечей, которые я потушила перед уходом. Кажется, мне не повезло...

– Э-э-эй! – возмутилась я, пинаясь. – Это моя комната!.. И постель моя!.. А ну, выметайся!..

Из-под одеяла сверкнула острая сталь холодных глаз, и я снова замолчала, невольно поёжившись. И теперь-то точно знаю, кто за мной следил из угла весь вечер... Интересно, зачем?.. Из коридора донёсся грохот отворяемых дверей и возмущённые вопли.

– Обыск, – пробормотала я. – Что они ищут? Или – кого? Тебя?

– Меня, – скривился незнакомец, прижав к матрасу мои пинающиеся ступни. – Но если найдут, то и тебе тоже достанется.

– За что?.. – вытаращилась я.

– За помощь мне, – ухмыльнулся парень.

– Но я не собираюсь тебе помогать! – возмутилась я.

– А у тебя нет другого выхода, – спокойно ответил он. –

Или вместе выберемся, или вместе погорим. А виновата будешь ты.

– Чего? – изумилась я. – Это почему это?!

– А кто завывал в коридоре? – незнакомец иронично поднял брови (честное слово, я бы вновь с удовольствием его лягнула, но сила оказалась не на моей стороне, увы и ах).

– А нечего пугать приличных людей!

– Приличные люди в это время спят, а не разгуливают по постоялому двору!

– У каждого свои понятия о приличиях! – огрызнулась я. – Когда хочу, тогда и хожу!

– Вот и доходилась, – насмешливо заметил он и резко подтянул меня к себе, ухватив за колени: – И дохотелась.

Я покраснела, но ответить не успела: в дверь моей комнаты тихонько поскреблись.

– Ложись! – беглец снова нырнул под одеяло, наконец-то отпустив меня и утащив за собой свой кошмарный плащ.

Я поспешно улеглась, и тишину нарушил громкий стук и громовой голос:

– Открывайте!

– Добрались, двуликие... – донеслось из-под одеяла. – Слышь... Тебя как зовут?

– Лекс.

– А меня – Вэл. Не бойся, – он, высунувшись, внимательно посмотрел на меня. – Главное, не показывай им своего страха, поняла?

– Угу... – хмуро кивнула в ответ.

Стук повторился. Вэл снова испарился под одеялом, а я, шумно повозившись, «сонно» поинтересовалась:

– Что-то случилось? Пожар?

– Никак нет, дей-ли, – почтительно ответили из-за двери, – но здесь объявился опасный жулик, которого нам велено взять любой ценой. Не могли бы вы открыть дверь, чтобы мы произвели обыск?

– Э-э-э... Нет, не могла бы, простите, – с лицемерным смущением пролепетала я. – Дело в том, что я... не одета.

Из-под одеяла раздался смешок, и я, воспользовавшись положением, сильно пнула «опасного жулика». Он засопел, но промолчал. Странно, как он при таком немалом росте умудряется быть незаметным? Свет Двойной луны падал прямо на постель, но со стороны казалось, что под одеялом никого, кроме меня, нет. Видать наколдовал что-то, м-магию его...

За дверью пошущукались, и прежний голос решил:

– Однако, с вашего разрешения, мы зайдём.

Всё равно вломаются и обыщут, так или иначе. Пусть лучше «так», хоть шума будет меньше...

Моё сухое «да», запасной ключ, короткий щелчок, и три знакомые фигуры в чёрном с подсвечниками наперевес молча закопошились в моей комнате, хлопая дверцами шкафа, балкона и ванной. Натянув до подбородка одеяло, я пристально следила за каждым их движением и думала. О том,

что пламя в подсвечниках... ненатуральное. Слишком яркое. Слишком мощное.

Естественно, ничего не найдя (ни преступника, ни ценностей), главарь сначала сунулся под кровать, а потом вылез оттуда и зашарил взглядом по постели.

– Дей-ли, мы просим прощения, – вкрадчиво заговорил он, – но в этой комнате осталось ещё одно необследованное место...

Меня от такого цинизма передёрнуло, а Вэл под одеялом напрягся, как зверь перед прыжком. Я замерла, лихорадочно соображая, как выкрутиться, и мой взгляд упал на столик, где лежали все походные бумаги. Ну, конечно же!..

– Не стоит, – холодно предупредила я.

– Почему же? – насмешливо поднял кустистые брови главарь. Ну и гадкая же у него рожа...

– Советую сначала ознакомиться с походными бумагами обыскиваемого, а потом уж чинить беспредел, – я сухо поджала губы, невольно подражая бабушке. – Мои бумаги – на столе.

Кажется, бабушка занимает не последнее место в волшебном мире... От вида печати моего рода мерзавцы дружно побледнели, поспешили извиниться, вернуть бумагу и убраться восвояси, со скрипом закрыв дверь. Я перевела дух. Сердце колотилось как сумасшедшее: мне стоило больших трудов сохранить вежливый тон и невозмутимое лицо. Благодарю, бабуль... И за поддержку, и за воспитание.

Выбравшись из кровати и подобрав бумаги, я бережно спрятала их в сумку и начала собирать остальные вещи, попутно зажигая от искр кремёнок свечи. Вот оно, нормальное пламя, не то что... колдовское. В коридор вновь вернулась тишина, и за моей спиной вспыхнуло маленькое солнце. Это «опасный жулик» тоже вылез из-под одеяла. Перед его сосредоточенным лицом замер зеленоватый круг с символами, похожий на солнечные часы.

Я повернулась и посмотрела на «жулика» в упор. Он же не обращал на меня внимания, усердно изучая символы на колдовском круге.

– Ну? – поинтересовалась я.

– Чего «ну»? – не понял он.

– Ничего не хочешь мне сказать?

– Хочу, – ухмыльнулся парень. – Прощай. И надеюсь, что мы с тобой больше не увидимся. Ни в этой жизни, ни в последующих.

– И это вместо благодарности? – изумилась я.

– Уже забыла, что из-за тебя этот бардак и начался? – хмыкнул Вэл. – Хотя я не против *твоей* благодарности – за то, что позволил тебе заглазить свою вину передо мной. И не забудь, что я не бросил тебя в коридоре. А в ущерб себе, – и он картинно потёр колено, – доставил в твою же комнату. Знаешь, что было бы, если бы двуликие поймали тебя в коридоре? Бумажками бы не отделалась, – подвел он итог своим нравоучениям, неприятно улыбаясь.

От такой наглости я потеряла дар речи. А эта сволочь меж тем погасила зелёное «солнце», снова завернулась в свой жуткий плащ и отправилась на балкон. Кажется, собираясь спуститься вниз по моему же, простите, белью. Я, разумеется, бросилась на защиту своего скудного имущества.

Второй этаж – балкон – верёвки – земля. Как всё знакомо... Одну сушильную верёвку Вэл оборвал, и мокрые рубашку и штаны я подняла с земли. И зачем ему, спрашивается, магия дадена?.. А раз он не может без неё спуститься со второго этажа, значит, я рискну надавать ему по шее... Перекинув мокрые вещи через плечо, я быстро домчалась до конюшни, но опоздала. Когда я пробежала через распахнутые настежь ворота, стояла уже опустели. Осталась лишь жалкая кляча, которую оседлал Вэл.

– Ветер! – в отчаянии закричала я, озираясь по сторонам. – Ветер, ты где?

– Молодые животные слишком восприимчивы к сонной магии двуликих – с ума сходят и удирают, – хмуро пояснил парень. – Заметила, как тихо на постоялом дворе? Да нет, куда тебе, только орать и умеешь... Усыпили они всех, – и направил клячу на дорогу.

– Подожди, эй! – я схватила лошадь под уздцы. – А я? Мне в город надо! Здесь же... только дорога! Как я дальше пешком? С вещами?

– Молча, – отрезал он. – Кляча всего одна, да и не по пути нам. Раз ты опоздала, то я тут ни при чём.

– Да ведь ты!.. – задохнулась от ярости я. – Да ведь я только что тебе помогла!..

– Ты не мне помогала. Ты исправляла свою собственную оплошность, – строго отметил Вэл и слегка стукнул по моему запястью рукояткой хлыста.

Я непроизвольно отдернула руку, отшатнувшись в сторону, чем этот гадёныш и воспользовался, обдав меня на прощание тучей пыли. Я сердито чихнула. Вот же скотина... И за что? За то, что не выдала его двуликим! Кстати, хорошо бы узнать, кто они такие... Но сдать его определенно стоило! Вот и делай людям добро... магам, в смысле.

Ладно, зараза, попадись мне только...

Преисполнившись мечтами о мести, я вернулась в конюшню. Ведь нашёл же он клячу, так? Значит, может найтись ещё кто-нибудь... невосприимчивый. Я рыскала от стойла к стойлу, пока не заглянула за последнюю перегородку, где обнаружила сопящий тёмный клубок. И, присев, опознала в нём милого серого ослика. Да, ослик, это, конечно, не мой жеребец, но и не совсем ничего. Воровато оглядевшись, я прикрыла спящую скотинку сеном и поспешила обратно, на постоянный двор. Промедлю – останусь и без лошади, и без осла.

К моей досаде, все вещи были насквозь мокрые, в том числе и единственная пара тщательно вымытых туфель. Я нашла в коридоре свои тапки, изучила «спальные» рубаху со штанами и решила, что лучше так, чем голышом. Наспех рас-

толкая одежду по двум сумкам, проверив сохранность денег и бумаг, я взвалила вещи на плечи и отправилась к ослику, поминая недобрым словом исчезнувшего охранителя. И этот тоже своё получит...

Ослик, разумеется, не выказал радости, когда я разбудила его, заставила встать и обвешала сумками. Да, бабушка велела не путешествовать по ночам, но я теперь боялась не разбойников, а утренней кражи своей живности. Место-то тут не слишком людное. Ждать чуда и проситься попутчиком? Так я под отводом глаз. И у меня время – мэтр Звездочёт, как я поняла по бабушкиным намёкам, ждёт. В путь, в общем. Хотя до ближайшего городка добираться полдня пути. На Ветре. А не пешком, с осликом и сумками под мышкой.

Я вывела полусонную живность на дорогу и потащила за собой.

Допутешествовалась... Видела бы меня сейчас бабушка...
– ...умерла бы от стыда, – хихикнул невидимый ифрил. –
А вернее всего, от смеха.

– Тебя не спросили, – огрызнулась я, – тоже мне, охранитель! Сбежал и бросил на произвол судьбы в самый ответственный момент!

– А это не моё дело – из передраг тебя вытаскивать, – объявил он, появившись на холке ослика. – Моё дело – предупредить и дать совет, а слушаешь ты меня или нет – твои проблемы. Я ведь предупредил тебя там, в коридоре? Предупредил. Ты меня послушалась? Нет. Вот и имеешь теперь

то, что имеешь, и не вздумай жаловаться.

– Обойдёшься! – больше крыть было нечем, ибо прав он, как ни крути.

– Увидим, – ухмыльнулся ифрил. – Впереди ещё до-о-олгий путь, а ты, конечно, и перекусить не взяла, и о воде не позаботилась? А как твой осёл захочет пить под утро и зартачится?

– Ну, извини! – обиделась я. – Не привыкла, знаешь ли, с постоянных дворов удирать на ночь глядя!

– Ничего-ничего, привыкнешь, – примирительно пообещал Иф. – А о пропитании я позабочусь, не переживай. И поспать бы тебе сегодня хоть немного, – заботливо добавил он, – а?..

– Нет, – упрямо качнула головой. – Дойду до города – там и отдохну.

– Глупо, – заметил охранитель. – Не протянешь.

– Поспорим? – азартно предложила я.

– Не-а, – усмехнулся он. – Ты же, если назло или на спор идёшь, себя загонишь, но выиграешь.

Я подняла взгляд к небу и упрямо посмотрела на заалевшую полосу нового рассвета. Время восхода Светлой звезды. Вот и окончилась эта беспокойная ночь... Перебрав в памяти все события, я осталась очень собой недовольна. И особенно огорчила потеря Ветра. Не просто конь, но и друг... И умница: очнётся от воздействия чужой магии – вернётся домой, как прежде возвращался. А там о нём позаботятся.

Бабушка – точно.

Припекало, размаривая, восходящее солнце, ласковыми напевами убаюкивал ветер, дружелюбно шелестела зелёная листва редких деревьев. Веки сами собой слипались, ноги спотыкались...

– Лекс!

– А-а-а?.. – я тряхнула головой и протёрла глаза. – Иду-иду... – когда уже город-то покажется?..

Осёл, кстати, был не против путешествия – брёл за мной неспешно, пощипывая травку с обочины, и казался довольным. Ифрил, расположившись на его спине, горланил весёлые пошловатые песенки. А я, прогоняя сон воспоминаниями о прошлой ночи (злость на неизвестную магию и долговязых «жуликов» естественным образом придавала сил), решилась спросить:

– Расскажешь о двуликих?

– Этот проболтался? – Иф вдруг нахмурился.

– Этот, – подтвердила и не удержалась от вопроса: – Он маг, да?

– Маг-маг. Только недоученный. Наверняка на практике.

– А зачем он двуликим? И кто они такие?

Ифрил опустил глаза, старательно расправил на своей «одежде» несуществующие складки и уклончиво начал:

– Знаешь, Лекс...

– Не знаю! – отрезала я. – И давай без увёрток!

– Ладно... По нашим законам маги не должны никому

своим волшебством вредить. Однажды они так передрались за земли, что чуть мир весь не... В общем, с тех пор они уговорились только помогать, подсказывать, направлять, предугадывать, защищать... Но не убивать. Вернее, защищаясь, ножиком пырнуть можно, а вот магией – ни-ни. У магов даже заклятий убийственных не было. А у приличных волшебников и теперь их нет. Нельзя ими просто так владеть. Дозволение иметь надобно. Бумажку такую... с печатью. Вроде твоей дорожной. Замагиченную. Если маг использует тьму, бумажка вбирает её излишки.

– А выдают бумагу... эти?

– Эти. Двуликие. От тёмного волшебства, если нет дозволения, вонючий «хвост» тянется, и нарушителя легко поймать.

– А что делают, если ловят?

– Если не угробил никого – кисти рук отрубают, и на торгу в Горный край, – небрежно пожал плечами Иф, а меня передёрнуло. – Маги же руками творят, иначе не могут. Вернее, могут, но мало, – и хмыкнул, – как раз хватает, чтобы телеги с рудой толкать. А ежели убить кого успел, то смерть.

Я вспомнила «опасного жулика». Молодой же совсем парень и недурён собой... Характер, правда, мерзкий, но не отрубать же за это руки? Да и не убил он никого... вроде.

– А откуда название такое – двуликие?

Иф помял края своего покрывала и негромко ответил:

– Мало кто знает, откуда к нам пришла тьма... Тёмные

знания появились – и у них нашлось множество сторонников. Говорят, двуликие – наследники первых тёмных, из тех, кто передумал вредить миру и людям, из тех, кто задумался о последствиях своих деяний. Но попробуй-ка угадать, разумный перед тобой волшебник или на смертоубийстве помешанный. Тьмой владеет, а не убивает, и за жизнь стоит. Не то и не сё – двуликий. Поначалу они везде чужаками были, но со временем доказали свою необходимость. И доказали, что тёмный – не значит злой. Что тьма может быть и защитой. И умеет выбирать разум, а не сиюминутные веления души.

Я с интересом внимала. Так-так... А папа сказал, что тьма во мне есть... но вряд ли меня почуяли. Я и колдовать-то не умею. Но спросить о себе... побоялась. Опять. Что мне тогда делать здесь, в этом «светлом» мире?..

– А сейчас община двуликих прогнила насквозь, – ифрил скривился. – Больше наживой увлечены. Привыкли к безнаказанности. На влиятельных волшебников из древних родов без веских доказательств, понятно, и не твякнут. Мы свои знания храним, а они растеряли многое, – и охранитель фыркнул презрительно: – Даже этого недоучку в твоей постели по «хвосту» не смогли найти!

Я покраснела:

– Не отвлекайся! А не то я вспомню, кто этого недоучку ко мне в постель привёл! И разозлюсь!

– Да я вроде всё объяснил, – с ухмылкой отозвался охранитель. – У тёмных есть свои земли, и здесь им появлять-

ся запрещено, но находятся те, кому интересно мир посмотреть. А ещё больше тех, кому руки дороги, но всё же тянет освоить запретное. Здешние же маги древних родов исповедуют свет, берегут мир и олицетворяют жизнь, как и завещали нам мудрые звёзды.

И я, устало топя вперёд, вспомнила о рассказе бабушки и детях Двойных звёзд. Если волшебники хранят мир и жизнь, то дети магии, получается, хранят самих волшебников, чтобы они могли исполнять завещанное? Вопрос. Вернее, несколько. А как их хранить? От чего защищать? Неужели в мире таится то, что сильнее магии и страшнее смерти?

Ой, нехорошо мне от таких выводов... И дитём магии быть не хочется вообще.

Глава 4. Шейтар

Никогда прежде я не чувствовала такого унижения... Проклятые местные жители, похоже, совершенно ничего не знали о приличиях. Да, я наивно полагала, что путникам должно предлагать гостеприимство, но как же я ошибалась! Стоило мне войти в город и прошагать пару кварталов, как я почувствовала себя с ног до головы облитой грязью.

Почти хорошее утреннее настроение, подпитанное упрямством и жаждой мести, к вечеру испарилось, и теперь я чувствовала лишь тупую усталость после бессонной ночи и зверский голод. Нет, один раз ифрил уговорил меня подремать в лопухах, но разве отдохнешь нормально на голой земле – без лесной тени, на колючей траве и под припекающим солнцем? В общем, остановка была короткой. Правда, за это время охранитель набрёл на небольшой хутор и увёл у его хозяйки кусок сыра, хлеб и кувшин молока. Жить после обеда захотелось, но ненадолго.

Стоило нам продолжить путь, как разразилась гроза, и к городу я приползла промокшая, грязная и злая.

Естественно, стражи, охраняющие городские ворота, приняли меня за бродяжку и сначала не хотели впускать. Пришлось применить хитрость и пару серебряшек (из пяти выданных бабушкой), и меня с неохотой, но пропустили, указав дорогу и рассмеявшись мне в спину. И теперь я устало бре-

ла по узкой улочке в поисках постоянного двора под названием «Серебряный ручей», а на меня тарасились все кому не лень, хихикая и перешёптываясь вслед.

– Ничего-ничего, ослик... – бормотала я зло. – Мы им ещё покажем...

Ослик, вздыхая, устало плёлся за мной и, казалось, дремал на ходу, не обращая на людей совершенно никакого внимания. Вот бы и мне так... Но нет, я остро переживала каждый косой взгляд, каждый смешок и жалела, что не дождалась наступления темноты.

Когда тьма укрывает – она благо, а вот когда сердито бурлит внутри... И я многое бы отдала, чтобы поменять их местами – тьму внутри на тьму снаружи. Эх, будь я хоть чуть-чуть магом...

А когда до постоянного двора оставалось всего ничего, случилось очередное неприятное событие, которое едва не добило меня окончательно. На одной из улиц я остановилась, чтобы поправить сползающие с ослика сумки, когда услышала:

– Кого я вижу! – с издёвкой произнёс за моей спиной голос, обладателя которого я клятвенно пообещала однажды придушить. – Лекс, ты ли это?

Я стиснула зубы, вдохнула-выдохнула и обернулась:

– Что, внезапно, да?

Вэл стоял на широкой лестнице трёхэтажного дома, а рядом с ним обреталась неизвестная светловолосая девица в

длинном голубом платье. Девушка смотрела на меня с открытой жалостью, а вот на физиономии Вэла наблюдалась насмешка, приправленная удивлением. Словно он не ожидал встретить именно здесь именно меня. Кстати, я к последнему тоже пока не стремилась. Желание поесть, помыться и лечь спать сообща мстительность побороли – временно, но успешно.

– Как погода? – ухмыльнулся он.

Драная папина рубаша висела мокрым мешком, ноги по колено в грязи, лицо – в разводах пыли, на голове – пушистое гнездо... М-магию его, ну почему я такая добрая?.. Почему я не сдала его двуликим?.. Соврал же нагло про «не по пути», гадёныш... И теперь ведет себя как... Я и слов-то таких не знаю, как. Приличных.

– Самое то для прогулки... – буркнула я, сжав кулаки и про себя умоляя небо помочь мне провалиться сквозь землю и сохранить остатки достоинства.

Небо, разумеется, мольбам не вняло. И пришлось, гордо вздёрнув подбородок, удирать самостоятельно, в душе яростно проклиная всех и вся.

– Кто это? – краем уха уловила я вопрос девушки.

– Да так, – со смешком ответил Вэл, – чудо одно... в перьях. Позже расскажу.

И это я тебе тоже припомню!.. Чудо! В перьях! Скотина!.. Прислонившись к стене дома, я попыталась взять себя в руки. Так, Лекс, спокойно, он этого не стоит... Он вообще ни-

чего не стоит – ни твоих переживаний, ни твоих сомнений. Только мести.

Глубоко вздохнув и мысленно посчитав до двадцати, я разжала кулаки, достала из сумки одну из бабушкиных книг и дрожащими руками медленно разорвала её, выдирая страницу за страницей. Полегчало. Наблюдавший за мной ифрил в ужасе схватился за голову.

– Лекс, – запричитал он, – что ж ты натворила!.. Это же древнее наследие твоей семьи! Эта книга насчитывает... насчитывала триста пятьдесят лет! По ней занимался ещё твой прапрадедушка! Как тебе только...

– ...не стыдно, – резко оборвала его жалобы я. – Ни капли не стыдно. И не дави больше на мою совесть – нет её у меня, не будет и не надо.

– Хорошо, что ты это осознаёшь, – хмуро заметил ифрил. – Ладноть, что сделано, то сделано, но больше – не сметь! Позови меня, и я тебе ворох ненужной бумаги приволоку, рви хоть всю, но книги – это святое, запомни!

– Мое самочувствие – тоже, – обиженно насупилась я, – но именно это тебя почему-то не трогает!

– Мне за это не платят, – огрызнулся остроухий паразит.

– И по делу, – отрезала я.

– Что-о-о? – взвился он. – А кто тебя охранял всю дорогу? Кто предостерегал от глупых поступков? Кто тебе чай и молоко таскал? Кто...

– ...ослика всю дорогу в одно место иголкой подкалывал,

из-за чего он дважды налетал на меня и ронял в грязь? – съязвила я.

– А он медленно шёл! – ошетинился ифрил.

– Можно подумать, тебя это волнует! – фыркнула я. – Тебе лишь бы поиздеваться над несчастным животным!

– Неправда! Я помогал тебе быстрее добраться до города!

– Ага, и потому пытался затащить меня в кусты и усыпить, чтобы слинять! Кстати, куда ты всё время исчезаешь?

– Э-э-э... Окрестности изучаю, – нашёлся он.

– Ну-ну. Врать правдиво научись – и цены тебе не будет, – хмыкнула я.

Мы могли долго так препираться, но охранитель, видимо, задетый за живое, выпятил нижнюю губу и с достоинством удалился восвояси – в неизвестное мне никуда. А я в подступивших сумерках продолжила поиски постоянного двора, который обнаружился в центре города, среди большого ухоженного парка.

«Серебряный ручей» оказался трёхэтажным домом, вдоль которого тянулась тонкая нить узкой речушки. Вокруг дома – невысокий плетень, над широким деревянным крыльцом – название, в круглых окошках – мягкий свет, а тёмные стены укрывал пышный цветущий плющ. В другое время я бы присела на крыльцо, чтобы просто выдохнуть и успокоиться – добралась! – но меня поторопил заморосивший дождик.

– Ослик, вперёд! – я несильно дёрнула за серое ухо уставшую животину и, открыв калитку, поспешила к крыльцу.

Дождь полил как из ведра, мгновенно превратив нас из грязных путников в не менее грязных промокших куриц. Я начала мёрзнуть и в дверь постучала очень громко и резко.

– Уже иду! – раздался звучный женский голос, и на крыльцо хлынули потоки яркого тёплого света.

На пороге появилась невысокая миловидная женщина, одетая в длинное тёмное платье и белый передник. Из-под кружевного чепца на меня с удивлением смотрели добрые голубые глаза.

Хозяйка поправила выбившийся из прически тёмный локон и изумлённо спросила:

– Добрый вечер. Я вас знаю?

О бабушкином письме, в котором указывался именно этот постоянный двор, я вспомнила не сразу.

– Э-э-э, добрый вечер... Вот, – я вытащила из кармана промокших штанов совершенно сухое письмо и протянула его женщине. Ни мгновения без магии, ага... И как я без неё обхожусь?

Хозяйка, быстро прочитав письмо, добродушно улыбнулась:

– И как я сразу не поняла... Алексия, верно? Проходи, пожалуйста. Промокла? Небо, в каком ты виде! Что случилось?

– Конь удрал... – смущённо пробормотала я, переминаясь с ноги на ногу и не решаясь пачкать собой такую чистоту.

– Заходи, не стесняйся, – мягко повторила гостеприимная

хозяйка. – Там, во дворе, ты что-то оставила?

– Ослика, – пояснила я, разувшись на крыльце, – и вещи.

– Я обо всём позабочусь, не переживай, – женщина, взяв меня под руку, повела за собой.

Горящие в коридоре свечи отбрасывали слабые тени, озябшие ступни приятно грел толстый пушистый ковёр, а хозяйка, показывая дорогу, назвалась Эльдой и засыпала меня вопросами. И пока мы, пройдя коридор, поднимались по лестнице, я успела вкратце всё ей рассказать. Ладно, не всё, конечно, зато не соврала ни разу.

Моя комната находилась на третьем этаже, и его планировка показалась странной: лестница вывела нас почему-то напрямиком на крытый балкон, где стояли мягкий диван и столик, а с балкона через стеклянную дверь мы прошли в комнату.

– Располагайся, – снова улыбнулась Эльда, – ужин тебе принесут наверх. За твоими сумками я послала сына, и об ослике он тоже позаботится.

– Кстати, о вещах... – вспомнила я и замялась: неожиданно тёплое радушие хозяйки смущало.

– Что с ними?

– Мокрые они, – ещё больше смутилась я. – Совсем.

Только книги сухими остались, да. Вероятно, и здесь не обошлось без бабушкиных фокусов.

– Займусь, – пообещала Эльда, – а ты отправляйся-ка спать. Так вымоталась, бедняжка, еле на ногах стоишь...

Спи, сколько будет спаться. Рубашка под подушкой.

И, пожелав мне спокойной ночи, хозяйка отправилась вниз, а я скрылась в ванной комнате. Благо вода ещё не успела остыть. Или только начала нагреваться?..

Обычно я мылась долго и с удовольствием, но сегодня на это не осталось сил. Едва очутившись в тепле, я осознала, как устала за эти бесконечные сутки, но оно того стоило. И, вытираясь, решила задержаться здесь на пару дней: и коня купить, и город посмотреть, и кое-какие дорожные вещи приобрести, и себя показать, кстати...

Но это всё завтра, а пока – спать. И сон оказался настолько сильнее меня, что я забыла про ужин. Переоделась в чистую рубашку, рухнула в постель и мгновенно уснула.

...и мне приснился Он – высокий, стройный, огненно-чёрный, с лоснящейся шкурой, длинной волнистой гривой и тёмными глазами, в омуте которых сверкали красноватые искры безумия и отчаянного желания добиться свободы любой ценой...

Потянувшись и стряхнув остатки сна, я лениво выглянула из-под одеяла. Ясный солнечный день встретил меня щебетом птиц и шелестом листвы. Я счастливо улыбнулась. Пожалуй, пора вставать! Сев на кровати, я первым делом обнаружила свою многострадальную одежду, выстиранную и высушенную заботливой хозяйкой. Даже спальные тряпки и тапки были выстираны и подштопаны. Я растроганно улыбнулась. Она ведь меня совсем не знала, а заботилась как о близ-

ком человеке...

Заправив постель, я бодро попрыгала по комнате, умылась, расчесалась и, с разбега влетев в широкие домашние штаны до колен и синюю безрукавку, побежала благодарить хозяйку, однако меня опередили. Мальчик лет двенадцати, как две капли воды похожий на Эльду, подждал меня на балконе, с любопытством наблюдая за беспечно порхающими птичками.

При виде меня он подскочил, чопорно поклонился и объявил:

– Доброе утро! Мама ушла по делам и велела принести вам завтрак, – и смущенно улыбнулся, показывая на накрытый стол.

– Доброе, – кивнула я, – составишь компанию?

– Конечно, – охотно согласился парнишка, пододвигая к столу табуретку и усаживаясь напротив меня.

– Как тебя зовут? – я с аппетитом взялась за салат.

– Рони, – с набитым ртом представился он, для приличия попытавшись встать.

Я махнула рукой и улыбнулась:

– Не стоит. Ешь.

Несколько минут мы усердно поглощали завтрак, причём Рони жевал так, словно и его сутки морили голодом. Мы с ним моментально подмели всё, что было на подносе и, приступив к чаю, завели неспешную беседу. Я подробно расспросила его о городе, «Серебряном ручье» и Эльде, а раз-

говорчивый мальчик сходу выложил мне всё, что знал.

– У мамы пять постоянных дворов в городе, – с гордостью рассказал Рони. – А «Серебряный ручей» – это, как мама говорит, дом для друзей.

– А-а-а! – протянула я. – Интересно, где они с моей бабушкой подружиться успели... Говоришь, твоя мама будет только к вечеру?

– Или позже, – добавил мальчик. – Дела!.. – и сунул в рот остатки плюшки.

– Слушай, – я поставила чашку на стол и задумчиво посмотрела на Рони, – ты же хорошо знаешь город?

– А что мне надо знать? – смыслёно поинтересовался он.

– Нужен конь. Сильный и необъезженный. И недорогой.

– Понял, – кивнул мальчуган. – Есть тут у нас одно местечко, на окраине. Туда торговцы приводят диких коней. Купить их трудно, а вот выиграть можно.

– Выиграть? – удивилась я.

– Обуздал – ваш, нет – прости-прощай и конь, и залог, – пояснил он. – И это не только ярмарка, но и постановка. Азартная. Зрители делают ставки – обуздает или нет, – потому и кони дикие, и почти даром отдают. Говорят, это большие деньги. И сегодня мы ещё можем туда успеть.

– Ясно, – встала я. – Жди внизу, скоро спущусь, – и помчалась переодеваться.

Так, что надеть? Я принялась задумчиво рыться в одежде. Во-первых, должно быть удобно, во-вторых, нужно произве-

сти впечатление и в-третьих, не жалеть потом, если испорчу. Покопавшись в вещах и перебрав несколько сочетаний, я быстро переделалась. Лёгкие чёрные штаны с тяжелым вышитым поясом, чёрная же короткая безрукавка с высоким воротником. Пояс жалко будет... Красный, с золотой вышивкой, ручной маминой работы – подарок на восемнадцатилетние... Хотя, наверное, опять магического происхождения. Заодно и проверю.

Повертевшись перед зеркалом, я занялась причёской. Надо бы подстричься, волосы уже отросли ниже лопаток и скоро начнут меня раздражать... Бабушкиным снадобьем убрав ненужную пушистость с чёлки и макушки, я быстро заплела высокую косу. Приведя в порядок физиономию, надела шляпу, вынула из-под подушки последние деньги, перекинула через плечо сумку и поспешила вниз.

Рони, увидев меня, сначала оробел, потом почему-то покраснел и, смутившись, снова поклонился.

– Прекрати, – весело фыркнула я. – А если ещё раз мне выкнешь, заработаешь подзатыльник. Давай на ты.

– Как скажешь, – пожал плечами мальчуган.

– Значит, договорились. Сколько у нас времени в запасе?

– Достаточно, чтобы не торопиться, – отозвался Рони.

Мы вышли из дома и неспешно отправились на окраину, к загону. Мой проводник всю дорогу трещал без умолку, перечисляя встречающиеся на пути, улицы, переулки и парки, рассказывая забавные истории, а я с любопытством внимала,

не забывая посматривать по сторонам и запоминать дорогу. Об устройстве городов прежде я только читала и, честно говоря, ожидала, что он будет больше. И... страшнее. Но городок только удивлял. Вероятно, потому что пока я не видела здесь волшебства... да и людей. А спросить у Рони о магах отчего-то постеснялась.

Тартан – типичный небольшой городок Лесного края с типичным же «гнездовым» расположением домов. Основные элементы – парки, вокруг и внутри которых гнёздами кучкуются двух- и трёхэтажные дома. Камень – редкость и немислимая роскошь – использовался лишь при выкладке дорожек к особо богатым домам. Большинство улиц – лесные тропы, присыпанные землёй и плотно утрамбованные.

Пять городских парков соединялись главной центральной дорогой, словно нанизанные на нить бусины, начинаясь у одних ворот и кончаясь у других. Городская стена-одно-название – высокий плетень – скорее всего, был нужен для определения границ Тартана. Так же, собственно, в городе разграничивали и участки земли. Между «гнёздами» домов видлись многочисленные улочки, вплетаясь в главную дорогу.

– Видишь вон те дома? – показал Рони. – За ними – городская стена, а за ней – загон.

– Так быстро пришли? – удивилась я.

Мальчик смущённо улыбнулся:

– Городок-то небольшой.

– Зато красивый, – искренне заметила я. – А как мы за

стену попадём, минуя врата?

– В стене много калиток, – пояснил Рони и ухмыльнулся: – Не все хотят платить въездную пошлину.

– Но ведь стража знает?

– Конечно. И в накладе не остаётся. Сюда.

Мы пролезли в узкую щель в стене: Рони – ловко и шустро, я – завозившись и оцарапав руку.

– Извини, – пробормотал он.

– Ерунда, – отмахнулась я, оглядываясь.

Местность вокруг города – заросшее поле с проплешинами лесных рощиц. И загон я увидела не сразу лишь из-за огромного скопления народа. Да, зеваки никогда не пропустят такое занимательное и денежное, по словам Рони, зрелище... И мы, пыхтя, долго проталкивались сквозь волнующую толпу, пока не оказались у невысокого забора, за которым находился...

Увидев предмет зрительского восхищения, я едва не споткнулась. На небольшом, отгороженном плетнём клочке земли буйствовал мой сегодняшний сон. Я удивлённо протёрла глаза, но пламенно-чёрное видение, сбросившее с себя очередного смельчака, не исчезало, горделиво возвышаясь надо всеми. Я восхищённо улыбнулась. При всём моём уважении к Ветру, он и в подмётки не годился этому чуду... И, сдвинув шляпу на затылок, я подошла к ограде и замерла, положив ладони на необструганные брёвна, не в силах оторвать взгляд от великолепного скакуна.

А предмет всеобщего вожделения, взбрыкивая и фыркающая, с презрением оглядывал толпу зевак, горделиво выгибая шею. И столько достоинства и скрытой силы было в каждом его движении, столько осязаемой ненависти к хилым людишкам таилось в бездонных чёрных глазах...

Хочу!

– Нет, дей-ли, даже не пытайтесь, он вам не по зубам, – пробормотал рядом кто-то.

Я повернулась, подняла взгляд на внезапного советчика и едва не выругалась вслух. Неужели этот тип будет преследовать меня повсюду?.. Я нахмурилась и фыркнула:

– Хочешь сказать, что он по зубам только тебе?

– Возможно, – усмехнувшись, отозвался Вэл, лениво взглянув на меня и снова уставившись на жеребца.

Лениво – только сначала. Потом, нахмурившись, он нелюбезно взял меня за подбородок, впившись острым взглядом в моё лицо. Я дёрнулась, вырываясь, встретила недоумённо-ищущий взгляд и поняла. Он же меня не узнал! Я насмешливо хмыкнула про себя. Конечно, приличная одежда и отсутствие дорожной грязи любого меняют до неузнаваемости.

– Лекс?..

– Ага! – ухмыльнулась я. – Неожиданно?

Скривившись и подавив в себе недостойные меня чувства, Вэл свысока глянул в мою сторону и снисходительно заметил:

– Иди-ка лучше домой, девочка. Здесь не место для купли-продажи осликов. Тем более ворованных.

Я вспыхнула, но на провокацию не поддавалась. И за симпатичного терпеливого ослика я ему тоже отомщу...

Вэл прервал мои размышления, отпихнув в сторону и направившись к замершему чёрному чуду:

– Ну, пожелай мне удачи.

– Чтоб тебе свалиться, не продержавшись и мига! – с чувством пожелала я.

– И откуда в тебе только злости? – хмыкнул он и осторожно приблизился к жеребцу.

Оттуда! Что посеешь, то и пожнёшь!

– Усмирит?.. – выдохнул стоявший рядом Рони.

– Не думаю, – отозвалась я, и не только со злости.

Я выросла в лесу и знала о животных многое. Этого жеребца не победить, не усмирить и не приручить, с ним можно только подружиться. Подружиться и понять, не задевая его обострённого чувства гордости и свободолюбия. Не ставя его ниже себя. Узнав его имя. Или – убить его, пока он не убил тебя. Или понимание, или смерть – третьего не дано.

Вэл, разумеется, ничего в животных не смыслил, а я его просвещать не собиралась. Пусть получит своё и уберётся с моей дороги, самоуверенный наглец! Я потёрла руки в предвкушении интересного зрелища. Не пройдёт и пары мгновений, как этот самовлюблённый индюк будет валяться в пыли. И никакая магия не поможет ему укротить жеребца.

Тьфу, что-то часто я магию поминаю... Привыкаю к её существованию?..

К слову, я ошиблась только в одном – несколько мгновений Вэл продержался, а потом жеребец без особых усилий сбросил своего седока на землю и едва не затоптал. Я громко захлопала в ладоши и восторженно улыбнулась. Как я тебя понимаю, чудо черноглазое! Мы с тобой точно найдём общий язык!

Пока Вэл уворачивался от страшных копыт коня, я отдала Рони сумку и подобралась к седоусому владельцу загона. И, глядя на него снизу вверх, вручила залог и объявила, что тоже хочу поучаствовать в состязании. Владелец посмотрел на меня как на ненормальную и мягко посоветовал вернуться домой, к маме, – вышивать носовые платки и вязать носки будущему супругу. Я, честно признавшись, что не умею ни того, ни другого, настаивала на своём до тех пор, пока хозяин не сдался, отказавшись от денег.

– За счёт города у нас не хоронят, – грустно заметил он и печально вздохнул.

Я весело улыбнулась и бодро перемахнула через забор, не упустив случая подколоть ковылявшего к открытой калитке Вэла:

– Иди-ка домой, мальчик, побереги здоровье, – и с насмешливой заботой похлопала его по плечу, – твоя кляча давно тебя заждалась.

Он криво улыбнулся и зло сплюнул. Что поделаешь, нуж-

но уметь проигрывать! Когда-нибудь жизнь тебя этому научит, а я ей с удовольствием помогу.

Размышляя о приятном, я слишком близко подошла к гордому созданию и едва не проворонила удар копытом. Похоже, жеребца достала загонная возня, и он решил побыстрее от меня избавиться. Но не вышло. Ловко увернувшись, я быстро попятилась и настроилась на работу. Итак, за дело.

Остановившись на безопасном расстоянии, я внимательно посмотрела в его глаза.

– Как тебя зовут? – прошептала мягко.

И никого, кроме нас. Только мы вдвоём, друг напротив друга. Глаза в глаза. Одинаково беспокойный трепет сердец. Одновременное дыхание, и твой вдох – вровень с моим, и твой выдох – вместе с моим. Одна природа – одно целое. Мы – существа одного порядка. И мой вдох – это твой вдох. И твои мысли – это мои мысли. И твоё имя... Меня зовут Алексия, а тебя?..

Жеребец застыл. Тишина, окутавшая загон, стала плотной. Как перед грозой воздух наполняла влага, так и теперь его наполнило молчание – ожидающее, предвкушающее, вопрошающее... Кто ты? В его глазах зажглись дикие огоньки. Жеребец шумно выдохнул и... ответил. Два имени. Одно – чтобы называть, второе – чтобы понимать. А ты непрост...

– Шейтар, – улыбнулась я и шагнула навстречу.

Он попятился, а народ дружно охнул и подался вперёд. Ограда затрещала. Я поморщилась: плетень ведь снесут,

ненормальные, и всё дело загубят... И осторожно пошла на жеребца, а он так же медленно отступал. И говорил... «картинками». Я смотрела на него и... видела – обрывки мыслей и чувств, осколки знаний и догадок. И, сосредоточившись, попробовала ответить так же. Значит, ещё не доверяешь?... А вот я тебе доверяю. И у меня здесь нет друзей, кроме тебя. Люди – это же люди, это же ненормальные маги, это же... не мы.

Бархатистый нос ласково и доверчиво коснулся моих протянутых ладоней. Ну, здравствуй, дружок... Не надоело сидеть здесь, в этом проклятом загоне, и тешить публику? И мне надоело... Тогда – на свободу?... Да, туда, где не будет ни привязей, ни заборов, хотя что они нам!.. Разве это помеха? И только вперёд! И только ты и я! И ветер!

Я сама не поняла, как оказалась верхом. Шейтар для приличия пару раз встал на дыбы, но я уже не чувствовала исходящей от него ярости. Только безудержное стремление на волю. Наше – общее.

– Разойдись! – крикнула я.

Народ бросился врассыпную, а Шейтар легко перемахнул через забор и понёсся туда, где темнела полоса дороги. И он не скакал – летел. Летел через поля и островки леса, легко преодолевая небольшие ручейки и речки, а я, прильнув к его напряжённой шее, всем своим существом впитывала терпкий воздух свободы, становясь его плотью и кровью. Мир и природа, люди и звери – всё единое целое: один язык, одни

мысли, одни чувства... одно «я».

Глаза слезились от сильного ветра, но я решила осмотреться и изумилась. Мы почти добрались до гор!.. Именно здесь проходит граница между Лесным краем и Горным!.. Жеребец пошёл рысью, и я выпрямилась, щурясь. Сияющие на солнце снежные вершины приковывали взор. Небо, сколько всего я упустила, сидя дома...

Я восторженно ухнула, и мы остановились на остром краю обрыва. Внизу сбивчиво шумел, пробираясь меж порогами, бурный речной поток, а вокруг стелились зелёные долины, выстраивались горные цепи и так остро пахло ледяной свежестью и свободой... Соскочив с жеребца, я с опаской прошлась по узкой каменистой кромке. Холодный ветер больно впивался обнажённые руки, трепал волосы и расплетал косу. Но я не жалела ни о забытой куртке, ни о потерянной шляпе.

– Здесь очень красиво, – улыбнулась я.

Шейтар шумно вздохнул и ткнулся носом в моё плечо.

– Ты бывал здесь раньше, да?

Лёгкий кивок. И я решила:

– Если хочешь, можешь уйти.

Недоверчивый взгляд.

– Слышишь? Ты свободен. Нет, я не шучу. Да, мне жаль с тобой расставаться, но... Конечно, если ты останешься, я буду очень рада. Ты не уходишь? Не теперь?

Я обняла его за шею.

– Отвезёшь меня назад?

Животные всё знают и понимают, нужно только уметь с ними беседовать. И когда мы мчались назад, в город, я от души благодарила небо за встречу с Шейтаром, пока мои мысли не оборвались, слившись воедино с буйными потоками смеющегося ветра.

Глава 5. Дорожные неприятности

В город мы вернулись ночью и, осторожно пробираясь тёмными сонными улочками, старались не шуметь. То есть я старалась не шуметь, потому как жеребец ступал бесшумно, сливаясь с домами и растворяясь во мраке, как призрак ночи. У городских ворот я вновь напомнила Шейтару о том, что он свободен, но жеребец упрямо увязался за мной.

Возле «Серебряного ручья» я распрощалась с ним, устроив в конюшне, однако он зачем-то побрёл за мной к крыльцу. И я обнаружила его присутствие лишь тогда, когда Рони, открыв дверь на мой стук, радостно спросил:

– А конь что, останется с нами?

Шейтар с невинным видом замер позади и смотрел на меня влюбленными глазами. Я нахмурилась:

– Ну нет! Ночью я никуда не поеду! Давай спать, а?

Жеребец фыркнул. Вот упрямец!.. Я вздохнула и повела его обратно конюшню. И, заперев в стойле, сухо объяснила:

– Так, в этом пути веду я. И если хочешь путешествовать со мной, будь любезен слушаться. А если не нравится, то я тебя не держу. Развлекайся сам с собой до скончания времён, если со мной скучно.

Шейтар виновато опустил голову и пошевелил ушами. Какой же он всё-таки огромный – с меня ростом в холке, почти в два раза крупнее изящного Ветра... Интересно, откуда он

родом?

– Завтра, – пообещала я. – Завтра отправляемся к мэтру Звездочёту, и по дороге успеешь набегаться так, что тебе это надоест, обещаю.

Ещё бы ифрил соизволил вернуться... А то я дорогу до Облачных гор не помню.

Жеребец, вздохнув, потёрся носом о моё плечо. Я обняла его хитрую морду и вздохнула. А Шейтар вдруг повёл себя очень странно: утробно зарычал, сверкнул огненным взглядом, кося за мою спину, и мелко задрожал.

Внутренне сжавшись в комок, я резко обернулась. За моей спиной стремительно сгущался воздух, порождая невысоких и весьма странных существ. Очевидно магических: три грязно-серые вихревые воронки, внутри которых сверкали лиловые разряды крошечных молний. И пока молнии сверкали внутри, я удивлённо таращила глаза, а как разряды начали скапливаться в отростках лап... Мама.

Сильный толчок в спину опрокинул меня на пол, и шарообразная серая муть пролетела над моей головой и с чавканьем врезалась в дверцу стойла. Шейтар!.. Я откатилась в сторону и обернулась. Жеребец, невозмутимо понюхав серую слизь, покинул закуток и закрыл меня собой. Я неловко встала, держась за дверцу стойла. Однако непростое мне животное досталось... В бабушкиных сказках они боялись магии, и Ветер тому примером, а этот чёрный зверь... Существа дружно подались вперёд, и закрутилось что-то совер-

шенно непонятное.

Хлопнула дверь конюшни, и в помещение ворвался ветер – промозгло-ледяной, резкий... волшебный. Существа заметались, но поздно – ветер разрывал их на слизистые части и вытягивал наружу. А я, вцепившись в дверцу, из-под взъерошенной чёлки изумлённо наблюдала за невероятной волшбой, пока не поняла, что меня тоже тянет следом. Ветер, крепчая, размазывал слизистые клочья по стенам конюшни. Поскользнувшись, я на мгновение ослабила хватку, и ураганным порывом меня отшвырнуло в угол, к бочке с водой, приложив головой о стену.

Перед моими глазами вспыхнули искры боли, но инстинкт, хвала звёздам, сработал сам собой: руки обхватили бочку, пальцы сплелись в замок, колени упёрлись в деревянные бока. Обнявшись с тяжёлым бочонком, я сдула с глаз чёлку, подняла голову и вновь едва не отправилась в полёт. Порыв ветра – и в моё лицо угодили едкие комья слизи. Что окончательно привело в чувство. Запах мерзкий... А ветер вроде начинает стихать...

И, кажется, я наконец-то начинаю бояться.

Откатившись в сторону, я села, сердито протирая глаза, и не сразу заметила ещё одну выступившую из темноты фигуру. А она, собирая в ладони ниточки ветра, шагнула вперёд. Его ж м-магию, он что, так и будет всю оставшуюся жизнь ходить за мной по пятам?..

Вэл небрежно отряхнул руки, взял меня под мышки, под-

нял, прислонил к стене и задал глупейший вопрос:

– Жива?

– Н-не знаю... – проямлила я, дрожа.

– Отлично, – кивнул он, достав из кармана сумки платок и протянув мне.

Я, оглушённая и испуганная, тупо посмотрела на платок, не понимая, для чего он мне. Схлопотала лёгкий подзатыльник. Встрепенулась, чувствуя, как дрожат колени и жжёт кожу едкая слизь. И насторожилась, встретив серьёзный взгляд.

– Что, и никаких насмешек? – я кое-как стёрла с лица ошметки слизи.

– Потом, – выразительно пообещал Вэл, – сейчас я на работе, – и вновь выудил из воздуха знакомые зеленоватые «солнечные часы».

Я вопросительно подняла брови:

– На какой работе?.. – и меня прорвало: – Что это за мерзость? А ветер ты впустил? Как ты, побери тебя небо, вообще здесь оказался?! – и посмотрела на стоящего у дверей Шейтара: – А ты? Если ты – простой конь, то я – домашний хорёк!

Жеребец насмешливо фыркнул, а Вэл его насмешку озвучил:

– А если обойтись без «если», то можно заметить определённое сходство.

Я гневно швырнула в него скомканным платком:

– Ох, зря я тебя двуликим не сдала...

– А ты уверена, что вчерашняя троица была из двуликих? – «жулик» хмуро изучал мерцающие на «часах» символы.

Шейтар, как ни странно, делал то же самое. Будто что-то понимал в колдовстве.

– Но ты же сказал... – я вцепилась в стену.

– А ты веришь всему, что я говорю? – он поднял брови и резко крутанул «часы». На смуглом скуластом лице заплясали жуткие зелёные искры. – Какая честь. Я польщён.

Я не нашлась с ответом. Отвернулась и попыталась отряхнуться. Затылок трещал по швам, лицо и руки горели, одежду – на выброс... А меня – в воду и в постель. и Чтобы проснуться поутру понять – мне всё приснилось. А то от ощущения колдовской реальности происходящего становится не по себе. И ещё больше ситуацию запутало новое действующее лицо. В воздухе бесшумно возник из своего ниоткуда мой охранитель.

– Лекс? Живая? – кинулся он ко мне, роняя мои дорожные сумки. – Вэл, ты успел?

– Конечно, – величественно кивнул сероглазый маг. – А вот ты где шлялся столько времени? Нам уходить пора, а ты...

– Нам?! – изумилась я. – Нам?..

Пропустив мой вопрос мимо ушей, Вэл бесцеремонно закинул меня на спину Шейтара и проворно приладил по бо-

кам сумки. И стремительно вышел, гася на ходу «часы». Со двора донесся нетерпеливый перестук копыт.

– Лекс, поторопись! – посоветовал Иф, устраиваясь на моём плече. – Вот-вот объявятся двуликие и опять прицепятся к нам с обвинениями! Двигай!

– Ладно, если ты ему доверяешь... – пробормотала я.

Вэл ждал нас снаружи верхом на сером в яблоках коне.

– Едем, – бросил сухо.

– Мне к Звездочёту... – заметила я недоумённо.

– Я знаю, – отозвался он равнодушно. – Нам по пути.

Ничего не понимаю... Хотя...

Похоже, вчера, кроме Вэла, на постоялом дворе находилась ещё один маг. Если «жулика» не поймали по «хвосту», о котором накануне рассказал Иф, – значит, никакого «хвоста» за ним не было. Зато была попытка подставить Вэла и натравить на него двуликих по чужому «хвосту». И, может статься, он спас меня от кого-то тёмного (и удирая на кляче – уводя за собой погоню – тоже), только я так и не узнала, от кого именно. Как пока не узнала, почему он ходит за мной по пятам, раз за разом выручая. Пока. Но чутьё подсказывало, что и здесь не обошлось без вмешательства моего семейства. То есть бабушки.

Город мы покинули без прощания с Эльдой и её сынишкой, в молчании выехав на пустынную сумрачную дорогу. Я огляделась. По моим наблюдениям близилось утро, но я с изумлением увидела восход Красной звезды – время сере-

дины ночи. Второй раз. Ибо первый восход я наблюдала до конюшенных злоключений. А ещё здесь не было ветра. Ни единого дуновения. И запаха. Вообще никакого.

Сдаюсь.

– Кто мне объяснит, что происходит? – тоскливо спросила я у темноты.

– Потерпи, скоро всё узнаешь, – пообещал ифрил. – Вот доберёмся до места...

«Местом» оказалась лесная поляна, возникшая из ниоткуда. Только что нас окружала редкая рощица, утопающая в предрассветной дымке, но, вопреки законам мироустройства, я, моргнув, узрела старый лес. Чудеса...

Вэл спешился, внимательно изучил звёздное небо и кивнул:

– Приехали.

Ну лады... Мне давно было всё равно, где мы, кто мы, что мы. Я понимала лишь одно – хочу упасть и уснуть.

– Ещё бы, почти сутки в седле... – озабоченно подтвердил охранитель.

– Сутки? – очнулась я.

– Вэл, расскажи ей про временные тропы, – попросил ифрил.

– Про временные тропы? – переспросил тот, рассёдывая своего коня. – Как ты уже догадываешься, это магия...

Пока я сползала с Шейтара и снимала с его спины сумки, мне поведали невероятную историю. В едином временн ом

потоке есть ответвления (как рукава у полноводной реки) – так называемые тропы, в которых время неподвижно и неизменно. Однако тропы напрямую связаны с пространством, и по ним можно легко передвигаться, пока основное время как бы замирает.

Я потрогала обожжённые слизью щеки. Для них-то время явно не останавливалось... И не ускорялось – до полного заживления, к сожалению.

– Но здесь работают законы обычного времени, – словно прочитав мои мысли, добавил проводник. – Мы чувствуем и усталость, и голод, и прочие дорожные прелести, – и, обтерев своего коня, отправил его пастись.

Что характерно, серый старался держаться от Шейтара подальше и косил на него с явным испугом. Обосновавшись под деревом, он нервно зажевал траву, в то время как мой жеребец обходил поляну по кромке, суя нос во все кусты. И явно что-то проверяя... и точно не устал ни капли.

– А в прошлое или будущее по тропам можно попасть? – полюбопытствовала я, садясь на траву.

– Можно, – кивнул Вэл, кидая на землю сумку, – но я не пробовал. Они хитры, и я только раз встречал тропу из прошлого. Обычно попадаются из настоящего.

Пока я изучала свои «боевые» ранения, мой спутник разжёг колдовской огонь. Зеленоватый почему-то, зато он дров не требовал и мошек поморил.

– Не трогай! – велел мне Иф, шаря рукой где-то в пусто-

те. – Лечить – это моя непосредственная обязанность.

– Твоя обязанность – не допускать нужды в лечении, – хмуро возразила я, подсаживаясь ближе к разведённому Вэлом костру.

– Лекс, я всего лишь охранитель, – буркнул ифрил, вытаскивая баночку с мазью. – Я разведываю обстановку, проверяю, безопасен ли путь, забочусь о твоём питании и здоровье... Я не боевой маг.

Дождавшись, когда он закончит возню, и сжевав пару яблок, я из последних сил обтёрла Шейтара, переоделась в куртках, вытащила тёплую куртку, завернулась в неё, подложила вместо подушки сумку и моментально уснула.

А остальные вопросы – завтра...

Я проснулась перед рассветом – резко, чувствуя чей-то тяжёлый взгляд. И на мгновение показалось, что я нахожусь в родном лесу, у Дуба-прародителя, однако скользнувшие по моему лицу зеленоватые отблески костра живо заставили вспомнить всё. Сев, я оценила обстановку. Шейтар щипал травку рядом со мной. Иф, забравшись в кувшин, храпел на всю округу, то взлетая, то опускаясь на землю в такт храпу. Вэл сидел у костра, насторожённо посматривая по сторонам. И глаза. Повсюду я натыкалась на пары злобно сияющих в сумраке глаз.

– Волки, – негромко пояснил мой спутник. – Их здесь десятки.

– Шестьдесят семь, – уточнила я, прислушиваясь к голо-

сам леса.

– Откуда такая точность? – насмешливо прищурился Вэл.

– Оттуда, – буркнула я, кутаясь в куртку, – знаю, и всё тут.

Волчьи глаза приблизились, и ладони моего спутника вспыхнули зелёным пламенем. Искры перескочили на рубашку, пробежались по штанам, спустившись на задымившуюся траву... И дружно, звучно, предупреждаяще завыли волки. Он же лес спалит, ненормальный!

– Давай без крайних мер, – вскочила я. – Они не нападут, – и нервно оглянулась на кусты. – Я с ними поговорю.

– Ты... что? – не поверил Вэл.

– Поговорю, – настойчиво ответила я, – убери огонь, – и, отвернувшись от костра, пошла к деревьям, не обращая внимания на едкое хмыканье.

У края поляны я села на пятки и заговорила на древневерийском. И не мэтр Корица поучаствовал в моём образовании, нет, а последний из верийцев – из древнейшего племени волков, умеющих принимать человеческий облик. Теперь в живых остался единственный представитель племени. Тот самый, что накануне моего побега раненым волком выл от боли, когда я промывала и перевязывала чёрную дымящуюся рану на его боку. Теперь-то я понимаю, кто его так ранил, ведь холодным оружием верийца не зацепить. И остаётся лишь гадать, что тёмные маги делали в моём лесу, у Дуба-прародителя.

Огромный чёрный волк вышел из леса и сел напротив ме-

ня. Я без страха посмотрела в прищуренные жёлтые глаза:

– Зачем вы здесь?

Волк выразительно склонил голову набок. Огонь.

– Не беспокойтесь, – я улыбнулась. – Я присмотрю и за огнём, и за лесом. Обещаю.

Волк кивнул и исчез в кустах, а я вернулась к костру. Вэл оценил быстро погасшие огоньки злых глаз и уставился на меня с плохо скрываемым изумлением:

– Откуда в тебе этот дар?

Я отвела глаза и промолчала. Не твоё дело.

– Ты видела Белого волка, – констатировал Вэл. – Ведь видела же?

– Умеешь хранить чужие тайны? – мрачно спросила я.

Он заинтересованно кивнул.

– А почему думаешь, что я не умею?

Вэл понял. Недовольно нахмурился, но отстал. Молча взял куртку и лёг спать, повернувшись ко мне спиной. А я потёрла ноющий от голода живот и изловила ифрилов кувшин.

– Чего надо? – из носика вылезла остроухая голова в сползшем колпаке.

– Есть хочу.

– Есть? – завозмущался лентяй. – Какая еда посреди ночи?

– Тебе легко говорить, ты вообще без неё обходишься, – огрызнулась я.

Иф поворчал, но послушно исчез, вернувшись из своего ниоткуда с хлебом, сыром и кувшином холодного молока.

– От Эльды, – хмуро пояснил он. – Она подозревала, что ты исчезнешь без предупреждения.

– Кстати, Лекс, – тихо заметил со своего лежака Вэл. – На будущее. Не стоит открыто показывать знак дружбы с Белым волком.

Я инстинктивно схватилась за шрам, ощутив лёгкое покалывание на внутренней стороне предплечья. Рассмотрел-таки... Дар давней дружбы – шрам, оставшийся от укуса мощных волчьих клыков, – всегда начинал мерцать серебром поутру – в то время, когда он и был получен. И именно благодаря этому знаку сегодня ночью волки нас охраняют. Да и не только сегодня.

– О, так ты с ним подружилась? – проявил заинтересованность и охранитель. И, прежде чем я успела его остановить, протрещал: – А я думал, он тебя растерзает на месте! Ты же малюткой была, себя не понимала, леса не слышала! Потрясающе, что он обучил тебя лесные голоса слышать! У них же нет привычки дружить с людьми, это же опасно!

– Заткнись! – в сердцах рявкнула я, но поздно.

– Значит, это правда? – протянул Вэл, перевернувшись на другой бок и подперев голову кулаком. – Прародитель волков, способный в чёрное полнолуние превращаться в человека, до сих пор жив? Остальных прародителей животных, насколько я знаю, давно истребили, остались лишь их потомки

– люди с силой природы, но без второго, звериного облика.

– Забудь!.. – отрезала я и свирепо посмотрела на возбуждённого ифрила: – Язык оторву, понял?

– А что я сказал? – стушевался он.

– Существ-прародителей – носителей древней природной магии – осталось очень мало, – пояснил Вэл, сев. – Любой тёмный наизнанку вывернется, чтобы заполучить шкуру Белого волка. Не говоря уже обо всём остальном. Тот, кто знает, где обитает Вожак, очень рискует.

– Ты же не хочешь сказать, что?.. – начала я: страшная догадка сверкнула молнией, и в её свете недавние события обрели некоторую ясность.

– Нет. Скорее всего, это лишь одно из звеньев длинной цепи, – обронил мой нечаянный спутник и вновь улёгся, повернувшись ко мне спиной.

Я задумалась, допивая молоко. Интересно, кому потребовалось на меня нападать? Я всю жизнь провела в лесу, насолить никому не успела, да и тёмных магов никогда в глаза не видела... Об истинных причинах беспокойной ночи на придорожном постоялом дворе я вряд ли узнаю, так что она не в счёт. А вот в конюшне напали на меня.

– Ничего не понимаю, – пожаловалась я висящему в воздухе кувшину.

– И не надо, – посоветовал оттуда Иф. – Спи лучше.

Ага, уснёшь тут, когда голова раскалывается от тьмы вопросов... Например, почему вдруг Вэл стал моим провожа-

тым? Если бы не ифрил, я бы никогда не решилась пойти за «жуликом». И почему мой новый спутник видит охранителя рода? Есть у меня предположение, основанное, правда, на домысле и кратких сведениях, почерпнутых впопыхах из бабушкиных книг...

Вероятно, это... *позволение*. Член семьи может *позволить* чужаку видеть охранителя. Значит... Вэл был кое-кем умным приставлен – присматривать за мной. Изначально. И то, что его подставили под двуликих... Убрать пытались, чтобы я осталась без защиты? Но почему он потом бросил меня одну? Опасность ушла? Или спешил – проверить обстановку в городе? Или кого-то за собой уводил, раз не волшебными тропами удирал, – кого-то, кто и на тропах достать может? Или...

Или всё это бред моей очень ушибленной головы.

Я закуталась в куртку, наслаждаясь терпкими запахами леса и наблюдая за светлеющим небом. Да, ушиблась я знатно, затылок до сих пор ноет... И подсказывает. Есть ещё одно малоприятное, но разумное объяснение «видимости» Ифа. Вэл может быть частью моей семьи, частью рода. Много ли я знала родственников? Дерево моего рода было весьма ветвистым, а лично я знала, не считая родителей, только бабушку. И очень жаль, что не помню наизусть всех родственников.

Поёрзав и обдумав свои бредовые домыслы, я решительно встала. Спать не хочется, а сидеть без дела – скучно и зябко. Я потрепала по холке задремавшего Шейтара и тихо покину-

ла поляну. Вэл, как и ифрил, тоже крепко спал, посапывая. Оно и к лучшему. Не будет путаться под ногами.

Незнакомый лес встретил меня дружелюбно. Я брела по звериной тропе, прислушиваясь к слабым, еле слышным голосам. Могучие деревья то и дело перешёптывались, и я не могла отделаться от чувства неловкости – словно чужой разговор подслушиваю. Тропинка, петляя меж могучими стволами, растворялась в сумрачной чаще. Как быстро я отошла от стоянки...

Последние отблески костра поглотила предрассветная мгла, звериная тропа исчезла в густой траве. И в лесу стало тихо. Слишком тихо. Напряжённая тишина, казалось, не пропускала ни единого звука, способного нарушить её хрупкое равновесие, даже шороха моих шагов.

– Это ненормально, – пробормотала я и не услышала себя.

Тишина свернулась невидимым коконом. Я насторожилась. Слышать лес – это одно, но слышать голос тишины – это совсем другое... Кстати о лесе. Деревья тоже молчали. Кажется, что-то заставляет их хранить тишину... или кто-то.

Тропа вновь показалась, но через десяток шагов скрылась в колючих кустах. Я добралась до них, осторожно раздвинула ветки и замерла, обнаружив источник тягучих голосов тишины. Посреди поляны рос высокий старый дуб. Его изогнутый ствол напоминал огромную змею, большая часть облезлых веток уныло клонилась к земле, а вокруг них плавно порхало... что-то.

Я прищурилась. Казалось, стаи крупных разноцветных светлячков кружили у дерева в облаке сверкающей пыли. И именно здесь тишина стала плотной и осязаемой, давя на уши. Я шагнула вперёд, чтобы рассмотреть странных существ, но меня удержали за пояс. Я подскочила от неожиданности.

– Шейтар... – выдохнула испуганно, не слыша саму себя. – Следишь, да?

Он хмуро глянул на меня и снова потянул в кусты.

– Нет, подожди, – упёрлась я. – Я никогда не видела ничего подобного! Кто это? На светлячков непохожи... Мотыльки? Да хватит тебе!..

Но жеребец упрямо тянул меня в лес, подальше от поляны.

– Да отцепишься ты или нет? – рассердилась я.

Он упрямо мотнул головой. Я так же упрямо ухватилась за куст. Колючие ветви больно впились в ладони, я, не удержавшись, помянула небо, и мои слова внезапно прогремели над поляной раскатом грома. Мы с Шейтаром дружно замерли, а от стайки светлячков отделился один и устремился к нам. В воздухе мелькнула маленькая молния, и передо мной повисло странное существо.

Оно походило на нелепую помесь бабочки и котёнка. Под светящимися крылышками трепыхалось изящное, чуть больше моей ладони, мохнатое кошачье тельце с длинным полосатым хвостом, острыми ушками и выющимися усами.

Чёрные глаза-бусины смотрели изучающе и пристально, а по шерстке пылающими ручьями стекал голубой огонь.

Изумлённо рассматривая существо, я не обратила внимания на звуки. Тишина испарилась, вернув в лес множество знакомых звуков... и тихое разъярённое шипение. Я с трудом стряхнула оцепенение. Шипело то самое существо. И не только шипело. Голубой огонь, безобидно покрывающий шерстку «котёнка», искрил и скапливался на кончиках лап, превращаясь в когти.

Я отшатнулась, но поздно. Глухо зарычал Шейтар, раздался резкий свист, и я непроизвольно вскинула руку, защищая лицо. Острые когти пропоролы ткань куртки и кожу на внутренней стороне руки, от кисти до локтя. Оглушительный всплеск боли комком застрял в горле, и вместо вопля я издала лишь сдавленный хрип. А заметив, что «котёнок» метнулся ко мне, попыталась увернуться и зажмурилась, едва не получив веткой по лицу.

Воздух прорезал мерзкий скрип когтей, словно они скользнули по стеклу. Я открыла глаза: меня с головой накрывал зеленоватый колпак, о который существо яростно скреблось. Когти, обламываясь, растекались по поверхности колпака злыми потоками голубого огня. Спасена... Жеребец, вцепившись в капюшон куртки, легко поднял меня в воздух и поволок в лес. А следом за нами из кустов вынырнул Вэл.

– Быстро к костру! – резко велел он и обернулся, выстра-

ивая за своей спиной колпак, о который теперь ломало когти около десятка «котят».

Шейтар взял с места в карьер и, ломая кусты, в считанные мгновения добрался до поляны, нелюбезно опустив меня на траву.

– Лекс, проклятье, тебе бабушка что велела?.. – выругался Иф.

– Подумаешь, царапины, – буркнула я, скидывая безнадежно испорченную куртку и обматывая рану поданным чистым полотенцем.

Я привалилась к дереву и закрыла глаза. Царапины жгло огнём, от боли по телу разбегалась мелкая дрожь. Я нервно закусила губу. Пройдёт... И, отвлекаясь, подняла голову. Вэл вышел из-за дерева и угрюмой тенью остановился рядом. Лицо почти невозмутимо, но внутренней ярости – с избытком. Конечно, на работе же... Хотя в чём-то мне везёт.

– Ну?..

– Больше не буду!.. – без боя сдалась я.

Вэл недоверчиво фыркнул и проворчал:

– Руку покажи.

Я послушно протянула руку, сняв пропитанное кровью полотенце, и удивлённо подняла брови. Страшная рваная рана больше не кровоточила и затягивалась буквально на глазах – через пару мгновений на коже остались лишь три едва заметных шрама и крохотный ожоговый бугорок. И стремительно угасала боль.

И снова магия?..

Я требовательно уставилась на Вэла. Тот поморщился, но понял, что от объяснений не уйти.

– Это разновидность сумеречных существ, – скучающим голосом заговорил он, седлая своего коня, – айты. Пыльца айтов исцеляет раны. Наибольшую жизненную активность они проявляют ранним утром или поздним вечером, в сумерках. Питаются всем подряд и способны поглощать любые звуки. Для существования им необходимо волшебство мира – как светлое, так и тёмное. Дикие и независимые. Размножаются пылью, которая проникает в кровь любого живого существа.

Я застыла с поднятыми сумками. По телу пробежал неприятный холодок. Плюс был – ожоги от слизи и головная боль зажили полностью. Но был и минус.

– То есть как?..

– То есть так.

– Шутишь?.. – мой голос дрогнул.

– Вот ещё, – холодные серые глаза открыто смеялись надо мной.

Я подняла руку и заметила, что ожоговый волдырь раздулся и засветился.

– Иф?.. – позвала слабо.

– Не врёт, – подтвердил охранитель кисло, возясь с сумками.

Я снова уставилась на Вэла:

– И сколько... срок в-вынашивания?

– Дней пять-семь. Потом от кожи отделяется яйцо, из которого через месяц вылупляется айт.

– А... но...

– Для жизни неопасно, – усмехнулся Вэл, – и даже рука у тебя после этого не отвалится. Зато запомнишь, как в одиночку шастать по незнакомым лесам.

Я открыла рот, чтобы возразить, но он не дал мне сказать и слова.

– Не спорю, ты умеешь ладить и с лесом, и с животными, но у тебя нет навыков общения с магическими существами. А их в лесах полно. И не всегда они так милы и безобидны, как айты.

Безобидны?..

– Рядом с некоторыми особями айты – сущие котята. И в обычное время они неагрессивны, нападения вообще для них нехарактерны. Даже рядом с гнездом. Тем более на людей. Видимо, им чего-то не хватает или... Короче, держись рядом со мной, – закончил Вэл и, прищпорив своего коня, первым отправился туда, где светлел выход из леса.

Я, оглушённая и испуганная, послушно забралась на спину Шейтара и поехала следом.

Глава 6. Ученики чародея

– Лекс, поторопись, мы почти приехали! – рявкнул Вэл, а я, скривившись и показав его спине язык, попросила Шейтара поспешить.

За последние пять дней ничего интересного не случилось – убегала вдаль дорога, менялись постоянные дворы и крохотные городки. А мы с Вэлом сначала почти подружились, потом быстро друг друга достали, а под конец привычно разругались. И сейчас, когда страсти немного поутихли, сохранили шаткое перемирие.

Я поёжилась на ледяном ветру, закутываясь в новую куртку и засовывая замёрзшую ладонь за тёплый отворот. Перчатками я, разумеется, не озаботилась: только здесь, высоко в горах, я впервые увидела столько снега и почувствовала болезненные щипки мороза. Правда, Вэл заметил, что это только цветочки, то есть поздняя весна, и все прелести высокогорья я оценю по зиме. Но мне от этих объяснений легче не стало.

В нагрудном кармане я нащупала маленький тёплый шарик – яйцо айта. Все прошлые дни рука распухала, и однажды под утро я проснулась от короткой вспышки боли. Кое-как обернув краем простыни кровоточащую рану, я поползала по кровати и отыскивала яйцо под подушкой. Оно оказалось круглым и прозрачным, а за стенками мерцала крохот-

ная фигурка, закутанная в языки пламени. Сначала «скорлупа» была мягкой, упругой и шелковистой, как кожа, но со временем затвердела и теперь походила на обычное стекло. А позже я заметила, что шарик рос.

– Лекс!..

– Да еду я, еду! – буркнула в ответ и снова поторопила Шейтара.

Жеребец оказался редкостным лентяем. Раз двадцать обогнав попутный ветер, он заскучал, расслабился и, стоило мне отвлечься, переходил почти на шаг.

Придерживая капюшон, я всмотрелась вдаль. Снежные вершины горели багрянцем рассвета, но по узкому ущелью бродили тени прошлой ночи. Горная тропа узкой змеёй обвивалась вокруг скалы, каждые пять-десять шагов круто сворачивая влево. Из-под копыт жеребца в пропасть сыпались мелкие камни. Смерив взглядом расстояние между тропой, пропастью и «противоположным берегом» – неприступным хребтом, я крепче сжала коленями бока Шейтара. Ничего страшного, мы почти приехали...

За очередным поворотом я обнаружила поджидающего меня Вэла.

– Посмотри туда, – кивнул он, натягивая шарф на нос.

Я проследила за его взглядом и ухнула от восторга. У подножия горной долины, утопая в облаках, стоял огромный замок. Казалось, неизвестный каменщик вытесал из цельной скалы мощные стены, высокие башни и круглые окна. И вы-

тесал так искусно, что замок был неотличим от окружающих гор.

– Впечатляет?

– Ещё бы! – моему восхищению не было предела. – А что это?

– Замок мэтра Звездочёта, сердце Облачных гор, – пояснил Вэл, когда мы продолжили путь. – В последнее Сумрачное время здесь случилась решающая битва за Лесной край.

– А почему за Лесной, а не за Горный? – озадачилась я.

– А потому что замок, как и мы теперь, находится в приграничье. Фактически приграничья сами по себе, но исторически их земли поделены между двумя краями. И эта часть земель относится к Лесному краю. Так, о чём я? Знаешь, триста лет назад...

О том, что его интересует, Вэл мог рассказывать долго и с удовольствием, а я слушала его вполуха, гадая, как же меня примут. Кроме того, я ничего не смыслила в войнах и битвах. Мой учитель истории, мэтр Илвит, был дяденькой миролюбивым и наивно полагал, что войны – не лучшее занятие для молодых девушек, то есть и рассказывать о них незачем. Не говоря уж о войнах между магами, о которых я вообще представления не имела.

– ...и вот когда была одержана блестящая победа, замок достался предкам мэтра Звездочёта в награду за выдающиеся подвиги, – закончил Вэл и вопросительно посмотрел на меня.

– Да-да, здорово... – рассеянно кивнула я, пропустив почти весь рассказ.

Меня начало трясти. А вдруг мэтр Звездочёт меня выгонит?.. Род опозорю, бабушку разочарую... А выгонят – куда идти?.. Я ужасно боюсь этого огромного, незнакомого и недружелюбного мира, в котором тьма ногу сломит... Небо, ну зачем меня понесло на этот проклятый чердак?.. Почему именно в ту ночь мне не спалось?.. Кажется, ожидание неминуемого позора – страшнее самого позора... Конечно, ничего еще не случилось, но... А если провалюсь?..

Вэл глянул искоса, понимающе хмыкнул и отстал. В полном молчании мы спустились по тропе к подножию горы, нырнули в облачную долину и вступили в мрачный лес.

Я нахмурилась, забыв о переживаниях. Никогда не видела пугающего зрелища... Вокруг расцветал солнечный день, а в лесу было темно, как ночью. Гигантские кривые деревья с чёрными, точно копытю покрытыми стволами, окутанные густым туманом, вблизи напоминали страшных чудовищ. Под ногами шуршала жухлая трава. И так было тихо... Ни криков птиц, ни шелеста листвы. Лишь изредка скрипуче стонали, покачиваясь на слабом ветру, узловатые ветви.

– Где мы? – прошептала я.

– Это Мёртвый лес, – так же тихо ответил Вэл. – Его полностью выжгли во время последней битвы, но прежде Тьма схоронила в лесной земле своих погибших детей. Легенды говорят, что с тех пор здесь обитает Зло, которое не имеет

ни имени, ни облика. Его никто никогда не видел, но чувствуют все.

Я вздрогнула, быстро оглядевшись. Вокруг ни души, но я кожей ощущала присутствие чего-то жуткого. И чужой взгляд, тяжёлый и настойчивый.

– Скоро приедем? – не выдержала я.

От этого леса мурашки по коже...

– Скоро.

Как он умудряется находить дорогу, если в лесу нет ни одной тропинки?.. Я съёжилась, вцепившись в гриву жеребца. Тут даже запахов нет – ничего, как в пустоте... Зато Шейтару лес определённо нравился. Он бодро трусил вдоль жутких деревьев, в то время как конь Вэла брёл, понурившись, от страха едва переставляя ноги. А ещё, казалось, здесь остановилось время. И замерло пространство. Страшные деревья походили одно на другое, как зеркальные отражения.

Впереди мелькнул спасительный просвет, и я с облегчением поторопила Шейтара, заставив его галопом вылететь из жуткого леса. Жеребец оборачивался и недовольно фыркал, но я не обращала на него внимания, сосредоточившись на ощущениях. Вне леса сразу стало легче дышать, и сердце забилось с удвоенной силой, и чужой взгляд... пропал. Выпрямившись и выдохнув, я с любопытством осмотрелась.

Впереди чернели огромные, окованные железом ворота и серели две расходящиеся от них высокие стены, опутанные шелестящей зеленью. Заинтересовавшись, я спешила

и приблизилась.

– Стой, где стоишь, – посоветовал Вэл, тоже спешившись и подводя коня к воротам. – Они живые.

– Конечно, – согласилась я, – это же растения.

– Не в том смысле. Мэтр Звездочёт наделил их колдовской жизнедеятельностью.

Я нахмурилась:

– Как это?

– Домашний плющ тебя не задушит только потому, что ты не знаешь ключевое слово, – терпеливо пояснил мой спутник.

Я попятилась, натолкнувшись на Шейтара, и замерла рядом с ним, а Вэл наклонился к замочной скважине и что-то прошептал. Я тихо хмыкнула. Здесь так положено подзывать привратников? Кажется, нет, потому что ворота даже не шелохнулись, а мой спутник рассердился.

– Не получается? – я спрятала усмешку.

– Не хотят по-хорошему, – мрачно пояснил он и сильно пнул створки.

Как ни странно, это сработало. Ворота медленно, с неохотным скрипом, распахнулись.

– Совсем от рук отбились, – проворчал Вэл. – Гостей у мэтра Звездочёта не бывает, воротами пользуются редко, вот они проржавели и обленились. Проходи. Лошадей здесь оставляем, о них позаботятся.

Я вспомнила бабушкин замок с летающим креслом и ре-

шила не удивляться. Мы вошли внутрь, и сворки с тем же мерзким скрипом захлопнулись. Вэл устремился к замку, а я побрела следом, изучая внутренний двор. И он того стоил. Мощённые неровными каменными плитами извилистые дорожки, длинные серебристые нити ручьёв, сверкающие в короткой траве, и великолепный, потрясающий сад.

Восторженно озираясь по сторонам и наслаждаясь запахом лесной свежести, я задавалась двумя вопросами. Как мэтр Звездочёт ухитрился вырастить такое чудо на бесплодной каменистой почве? И где он добыл столь редкие и чудные растения? Я не знала и половины из них. Вот, например, что это за волосатая палка без древесной коры и с пучком длинных жёлто-зелёных листьев наверху?

– Ты идёшь? – снова заворчал мой проводник, добравшись до щербатого замкового крыльца.

– Угу, – рассеянно отозвалась я, уставившись на удивительное растение. – Вэл, а что это?

– Потом узнаешь, – отрезал он.

– Тебе что, ответить трудно? – возмутилась я.

– Нет, – соизволил признать Вэл. – Дерево это, из Пустынного края.

– Дерево, говоришь? – я обошла его со всех сторон, но не заметила ни единого сучка. – А как на него залезть?

– Понятия не имею, – он вдруг усмехнулся.

– А что на нём растёт? – продолжала дотошно выпытывать я.

Вэл хмыкнул и заметил:

– Лекс, встречи с наставником тебе всё равно не избежать.

Не трани время и не заставляй мэтра Звездочёта ждать. Он давно знает, что мы здесь.

Я нервно закусила губу.

– И не вынуждай меня применять магию.

Этот весомое преимущество, да. А кстати...

– Тебе-то туда зачем? Ты ведь проводил меня до замка.

– А я разве не сказал? – мой спутник лицемерно улыбнулся и сделал большие глаза. – Я старший ученик мэтра Звездочёта и в ближайшее время покидать замок не собираюсь.

У меня пропал дар речи. Мало того что я терпела его всю дорогу, так ещё и жить с ним под одной крышей?.. За что мне такое наказание, небо, в чём я провинилась?..

– Это нечестно!.. – заявила глупо.

Вэл расплылся в довольной ухмылке:

– Напротив, есть в этом мире высшая справедливость, – и он потянул на себя тяжёлую входную дверь, распахнув её передо мной: – Прошу!

Лекс, достоинство... Как говорила бабушка, достоинство, гордость и честь... Вздёрнув подбородок, я поднялась по высоким щербатым ступеням, прошествовала мимо Вэла, чуть не споткнулась о высокий порог и, очутившись в просторном тёмном коридоре, без колебаний устремилась вперёд.

– Знаешь, куда идти? – насмешливо полюбопытствовал Вэл.

– Разберусь, – процедила сквозь зубы я.

Он весело фыркнул. Ну, раз маски сброшены, можно кое-что прояснить.

Я повернулась к Вэлу и уточнила:

– Ты должен был меня встретить, да? Тебе поручили... свыше? И там, на постоялом дворе, где двуликие рыскали, ты оказался неслучайно?

– Допустим, – он поднял брови. – Это что-то меняет?

Я насупилась. Бабушка. Как пить дать, её почерк... Я открыла рот для нового вопроса, но задать его не успела. Вэл улыбнулся и развёл руками:

– Нет, сейчас я тебе ничего не скажу. Да, так велено... свыше.

– А потом? Потом скажешь?

– Потом – понятие растяжимое, – философски ответил он.

Я хмуро отвернулась. Да, бесполезно. Добровольно он ничего не скажет. А я никогда не умела читать чужие мысли. К сожалению.

– Ладно. Веди.

Мы прошли по длинному сумрачному коридору, очутились во втором, и Вэл уверенно свернул направо, потом налево. Очередной коридор окончился просторной и уютной комнатой, уставленной книжными шкафами и креслами, с пылающим очагом у дальней стены и большими круглыми окнами. Мой проводник пересёк комнату, пояснив, что это

библиотека, и отыскал между двумя шкафами малоприметную дверь.

Дальнейшую дорогу я толком не запомнила, ибо совсем страшно стало. Вэл протащил меня до лестницы, после чего мы быстро одолели ещё пару десятков (как мне показалось) угрюмо-прохладных коридоров, куда-то спустились, потом снова поднялись и оказались в очередном коридоре у очередной двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.